

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ В ГРОДНО

...Тайные общества, имеющие целью преобразовать империю рабства в союз самоуправления, естественно возникнут по областям и станут стремиться к соединению.

Н. П. Огарев

К лету 1861 года в Петербурге завершилось становление тайного революционного общества «Земля и воля». (Подготовительная работа над его созданием началась значительно раньше, видимо, сразу после окончания Крымской войны.) Сердце и мозг организации находились в столице Российской империи и были представлены Н. Г. Чернышевским и Н. А. Добролюбовым, а также плеядой таких замечательных революционеров 60-х годов, как братья Николай и Александр Серно-Соловьевичи, Александр Слепцов, Николай Обручев, Василий Курочкин и другие. Вместе с тем руководство общества поддерживало тесные идейные связи с редакцией «Колокола» в Лондоне — А. И. Герценом и Н. П. Огаревым.

Поскольку революционные группы к тому времени существовали в Москве, Казани, Перми, Новгороде и других городах, общество «Земля и воля» развернуло работу по созданию организации, которая смогла бы руководить революционным движением в стране, возглавить подготовку общероссийской крестьянской революции.

Параллельно с процессом образования «Земли и воли» в Петербурге шло становление другой революционной организации, во главе которой, как было сказано ранее, стояли З. Сераковский и Я. Домбровский. Оба общества тесно взаимодействовали между собой. В частности, З. Сераковский и И. Огрызко принимали участие в создании «Земли и воли». В плане свержения самодержавия руководство «Земли и воли» отводило Белоруссии, Литве, Украине и Польше значительное место. Вместе с тем оно предоставило народам этих земель полную самостоятельность в организации революционного движения. Так, один из учредителей «Земли и воли» А. Слепцов заявил: «Что касается до Литвы и Малороссии, то здесь должны действовать свои собственные организации; с ними великорусская организация,

конечно, обязательно входит в самые тесные отношения, но как равная с равными»¹.

Таким образом, руководство «Земли и воли» провозгласило великую идею революционного союза угнетенных народов. «И польское общество, и литовское, и украинское, и русское общество,— писал Н. П. Огарев,— должны представлять каждое одну из составных сил в общей силе и потому действовать вместе»².

Как видим, с одной стороны, отдавая в руки белорусских, литовских, украинских и польских революционеров инициативу, руководство «Земли и воли» предоставляло им возможность с большой эффективностью отстаивать коренные интересы своих народов, учитывая особенности местных условий. С другой же — организационная самостоятельность этих революционных групп, как заметил А. Ф. Смирнов, «соответствовала программному требованию, признанию народов самим решать свою судьбу»³.

Н. П. Огарев писал, что «это разделение и этот союз лежат в условиях местности и жизни и составляют историческую неизбежность. <...> Мы можем свободно и бесспорно братски разграничиться после, но освободиться друг без друга мы не можем». «Из этого следует,— заключал он,— что тайные общества, имеющие целью преобразовать империю рабства в союз самоуправления, естественно возникнут по областям и станут стремиться к соединению»⁴.

Одним из первых тайных обществ, возникших в те годы на территории Белоруссии и Литвы, была созданная К. Калиновским революционная организация в Гродненской губернии. Его приезд на родину совпал с резким усилением крестьянского движения, вызванного грабительским характером реформы 1861 года. Во многих уездах Гродненской, Могилевской, Витебской, Ковенской и других губерний крестьяне отказывались отрабатывать барщину, платить оброк, подписывать уставные грамоты. На белорусско-литовских землях начались крестьян-

¹ Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. С. 292.

² Огарев Н. П. Избр. социально-полит. и филос. произведения. М., 1952. Т. 1. С. 539.

³ Смирнов А. Ф. Революционные связи народов России и Польши, 30—60-е годы XIX в. М., 1962. С. 234.

⁴ Огарев Н. П. Избр. социально-полит. и филос. произведения. Т. 1. С. 538, 539.

ские выступления, являвшиеся частью общероссийского крестьянского движения. Только за первую половину 1861 года произошло более 300 выступлений белорусских крестьян. Самодержавие жестоко подавляло их. «После оглашения манифеста 19 февраля 1861 года, — писал один из очевидцев, — начались события бурливые и кровавые. Правительство вынуждено было послать батальоны и выстрелами, штыками и прикладами разгонять безоружные толпы сгрудившегося крестьянства»⁵.

Другим событием, ускорившим создание революционных организаций в Белоруссии и Литве, было манифестационное движение, начавшееся в знак солидарности с польским национально-освободительным движением. Толчком к нему послужили трагические события в феврале 1861 года в Варшаве. 21 февраля в Варшаве открылся съезд Земледельческого общества (основано в 1857 году), которое в глазах современников являлось политической партией польского дворянства. Общество, информированное о подготовленном в России Положении 19 февраля, которое не распространялось на Царство Польское, должно было высказать свое мнение о способе разрешения крестьянского вопроса на польских землях. И хотя здесь крестьяне к тому времени были лично свободными, а в России еще предстояла отмена крепостной зависимости, но и в Польше оставались нерешенными такие важные проблемы, как отмена барщинно-феодальных повинностей и наделение крестьян землей. Предстоящая реформа в России вынуждала польских помещиков поступиться частью своих интересов, чтобы предотвратить взрыв возмущения крестьянства. Однако польские помещики не спешили расставаться с феодально-крепостническими методами эксплуатации.

Нежелание Земледельческого общества согласиться на крестьянскую реформу было столь очевидно, что революционные кружки (Э. Юргенса, Н. Янковского, Я. Кужины) Варшавы, возникшие в конце 50-х годов, решили организовать 27 февраля демонстрацию, чтобы оказать давление на членов Земледельческого общества. Эта демонстрация окончилась трагически. Войска открыли огонь по безоружному народу. Пять человек было убито, несколько десятков ранено⁶.

⁵ *Biłgorajski F.* Pamiętnik o sprawie chłopskiej w 1863 roku. Wrocław, 1956. S. 31.

⁶ История Польши. М., 1955. Т. 2. С. 107—108.

После февральских событий на территории Польши начались религиозные манифестации, которые перекинулись затем на белорусские и литовские земли. «Постепенно реквием в память убитых в Варшаве,— как образно заметил А. Ф. Смирнов,— превратился в народное стихийное движение „против царизма“»⁷, которое являлось выражением солидарности населения Белоруссии и Литвы с национально-освободительным движением в Польше.

С мая 1861 года манифестационное движение в Белоруссии и Литве приняло открыто политический характер. 8 мая в виленском кафедральном соборе группа революционно настроенной молодежи (братья Юзеф и Болеслав Лимановские, Бенедикт Дыбовский, Клетый Корево и другие) организовала пение религиозно-патриотического гимна. Затем последовали манифестации в Гродно, Ковно, Минске и других городах Белоруссии и Литвы. «Религиозно-патриотические манифестации 1861 года,— писал один из участников,— дали толчок массовому движению на огромной территории от Одры до Днепра и Двины»⁸.

Именно в это время в Гродно, *«успешно завершив свое юридическое образование, приехал Константин Калиновский с целью создания тайного общества и политической деятельности. <...> На основе личных знакомств и связей,— писал один из сподвижников К. Калиновского Ф. Рожанский,— такое общество ему удалось создать»*⁹. Сорок лет спустя его первоначальный состав Ф. Рожанский огласил в своих воспоминаниях. В него вошли Эразм Заблоцкий, губернский секретарь, доктор Юзеф Заблоцкий, Ян Ванькович, офицер, Феликс Рожанский и Ильдефонс Милевич, землемеры, ксендзы Ян Зарыжский, Игнаций Козловский и другие. Среди них своим радикализмом особенно выделялся Валерий Врублевский, будущий генерал Парижской Коммуны, член Генерального совета I Интернационала, друг К. Маркса и Ф. Энгельса.

Можно установить и точное время создания кружка.

⁷ Смирнов А. Ф. Восстание 1863 года в Литве и Белоруссии. С. 59.

⁸ *Szwarcе B. Założenie Komitetu Centralnego w roku 1862 // W czterdziestą rocznicę powstania styczniowego. 1863—1903. Lwów, 1903. S. 441.*

⁹ *Rożański F. Z województwa grodzieńskiego // W czterdziestą rocznicę... S. 396.*

В своих показаниях Виленской особой следственной комиссии Э. Заблоцкий сообщил: «Раз, вскоре после варшавских происшествий в 1861 году он [Врублевский] предложил мне приехать к нему в Соколку*. Приехавши туда, я застал там следующее общество: питейно-акцизного надзирателя Сонгина, кс. [ендза] Козловского из Царства Польского и Константина Калиновского, с которым я тогда и познакомился. Разговор шел о варшавских происшествиях. Константин Калиновский и Врублевский сказали мне, что составляется организация... которая скоро должна сформироваться по всей Литве, и предложили мне принять в ней участие»¹⁰.

Об идейных убеждениях членов гродненского революционного кружка Рожанский вспоминал так: «Все выше-названные придерживались демократических убеждений, и их называли партией красных потому, что они выдвигали программу подготовки масс к народной революции, которая ставила своей целью свержение самодержавия, а также достижение национальной самостоятельности и уничтожение крепостничества»¹¹.

Радикальные убеждения революционно настроенной молодежи сочетались с глубоким интересом к белорусской демократической культуре, к национальной этнографии, фольклору. Пример в этом подавал сам Калиновский, хорошо знавший и изучавший культуру и быт крестьян. Об этой стороне его деятельности нам, к сожалению, известно немного. В одной из статей выходявшего во Львове этнографического журнала «Народ» в 1906 году (то есть когда еще жили люди, близко знавшие Калиновского) он был назван в числе виднейших белорусских фольклористов XIX века наряду с Ромуальдом Зенковичем, Яном Чечетом, Винцентием Дуниным-Марцинкевичем и другими¹². Видимо, автор был хорошо осведомлен о заслугах революционера-демократа в этой области.

Ближайший помощник Калиновского Рожанский в годы восстания прославился как автор популярных стихов

---

* Теперь в Польской Народной Республике.

¹⁰ Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг. С. 490.

¹¹ *Rożański F. Z województwa grodzieńskiego // W czterdziestą rocznicę... S. 396.*

¹² *Bruchnański W. Emilia Platerówna jako folklorystka // Lud (Lwów). 1906. T. 12. S. 186.*

на белорусском языке. Он сочинял на белорусском языке патриотические песни, которые распевались партизанскими отрядами Врублевского¹³. Вот слова одной из строевых песен гродненских повстанцев, написанные Рожанским:

Гей-га, разам, хлопцы,
Гей-га, мы малойцы!
Гей-га, хто з касою,
Гей-га, хто з стральбою,
Гей-га, бяры мечы,
Гей-га, і да рэчы!
Гей-га, мае людзі,
Гей-га, добра будзе!

А это четверостишие из прощальной песни:

Ах ты мая чарнабрыва!
Будзь здарова і шчасліва.
Люблю цябе, любіць буду,
І ніколі не забуду!

Важна для нас и такая деталь, которая свидетельствует об увлечении гродненской молодежи белорусской культурой, — на фотографии того времени Врублевский запечатлен в белорусской национальной одежде.

Таким образом, Агатон Гиллер — один из историков восстания 1863 года — был совершенно прав, когда отмечал, что «вокруг Калиновского сгруппировалось много замечательной молодежи»¹⁴. К сожалению, мы знаем имена только некоторых из них, поскольку гродненский кружок был очень законспирирован. Так, Ф. Рожанский, принадлежавший к его руководству, добавлял, что кроме вышеназванных революционеров в него входило еще несколько лиц, «фамилии которых не помню, либо не был с ними лично знакомым»¹⁵. Даже руководство не было посвящено в деятельность всех звеньев формирующейся организации, чтобы в случае ареста кого-нибудь из них избежать провала и не поставить под угрозу судьбу революционного дела.

Следует сказать, что в состав гродненского революционного кружка входили также женщины. На протяже-

¹³ *Aramowicz J. Marzenia: Pamiętnik o ruchu partyzanckim w województwie grodzieńskim w 1863 i 1864 r. Bendlikon, 1865. S. 22—23.*

¹⁴ *Giller A. Historia powstania narodu polskiego w 1861—1864 r. Paryż, 1867. T. I. S. 177.*

¹⁵ *Rożański F. Z województwa grodzieńskiego // W czterdziestą rocznicę... S. 396.*

нии всего времени существования организации женщины активно участвовали в ее работе.

Одновременно с революционным кружком в Гродно подобный кружок возник в Белостоке — уездном городе. Во главе его стал видный польский революционер, инженер по профессии, Бронислав Шварце (1834—1904).

Б. Шварце родился во Франции в семье эмигранта, участника польского восстания 1831 года, заочно приговоренного царским судом к смертной казни. С детства воспитывался в прогрессивной среде. Еще будучи учеником одной из парижских гимназий, он сражался на баррикадах во время революции 1848 года. После окончания Парижской политехнической школы Б. Шварце работал в Австрии, затем приехал в Россию. Весной 1860 года он поселился в Белостоке, получив место инженера на строительстве Варшавско-Петербургской железной дороги. Вскоре после февральских событий 1861 года в Белостоке по его инициативе возник подпольный революционный кружок, в который вошли передовые представители местной интеллигенции: учителя, инженеры, служащие железной дороги, чиновники, а также патриотически настроенные ремесленники. В числе членов белостокского революционного кружка были инженеры Леонард Плужинский, Владислав Зарембо, Эдуард Керсновский, железнодорожный служащий Томаш Писанко, учитель пения Феликс Белокоз, кузнец Роговский, столяр Юшкевич и другие¹⁶. В деятельности белостокского кружка, также как и в Гродно, принимали участие женщины. Работу среди них возглавляла владелица местного магазина модной одежды, известная в подполье под псевдонимом «Мать».

Значительное число женщин входило и в состав революционных кружков, возникших в других городах Белоруссии и Литвы. Так, об участии женщин в работе подпольного кружка Вильно рассказала в своих воспоминаниях Людвика Родзевич (до замужества Ямонт), близко знавшая Кастуся Калиновского и его соратников. Брат Людвики, Иосиф, был товарищем Калиновского по университету. «Женщины,— писала она,— организовались в группы до десяти и более человек. Выбранная старшей группы устанавливала связь с выде-

---

¹⁶ Kosztyło L., Kraško R. Z dziejów powstania styczniowego na Białostyczyźnie. 1863—1864. Białystok, 1963. S. 9—10.

ленным специально для этого членом комитета и договаривалась об оказании организации помощи; затем назначала из своих знакомых достаточное число лиц, на усердие которых могла положиться; в свою очередь те, даже если были значительно старше ее по возрасту, были обязаны безусловно во всем ей подчиняться, в то же время каждая из них имела право выступить с полезным для выполняемых работ предложением»¹⁷. Видимо, по такому же принципу строилась деятельность женских групп в других городах. К сожалению, вопрос участия женщин в восстании 1863 года еще не изучен в нашей исторической литературе.

И Шварце, и Калиновский были горячими приверженцами союза с революционной Россией, участия в восстании широких народных масс. Между Калиновским и Шварце на этом этапе установились тесные конспиративные связи. Расхождения в организационно-тактических вопросах между двумя замечательными революционерами дали о себе знать в более поздний период их деятельности¹⁸.

Оба кружка действовали в союзе с революционным движением Польши и России. Показательный случай, свидетельствующий о сближении и взаимной поддержке белорусских, польских и русских революционеров, произошел в это время в Белостоке. 19 июля 1861 года войска окружили собравшихся на местном кладбище манифестантов. Находившиеся среди присутствующих члены белостокского революционного кружка призвали собравшихся к сохранению порядка и выслали к городовому делегацию с требованием немедленно освободить блокированных войсками на кладбище людей без записи их фамилий. В противном случае парламентареры пригрозили обратиться с жалобой в Лондон в редакцию «Колокола» и рассказать о чинимых насилиях над безоружными людьми. Власти вынуждены были уступить¹⁹.

Под угрозой ареста в мае 1862 года Б. Шварце выехал в Варшаву, где вошел в состав Центрального национального комитета. 22 декабря он был арестован и

¹⁷ Rodziewicz L. Garść wspomnień z 63 r. // Ze skarbcza kultury. 1952. N 1 (2). S. 8.

¹⁸ Морозова О. Польский революционер-демократ Бронислав Шварце. М., 1975. С. 50.

¹⁹ Koszytyło Z., Krásko R. Z dziejów powstania styczniowego... S. 8.

приговорен к смертной казни через повешение. В результате вмешательства французского посла в Петербурге (Б. Шварце являлся французским подданным) смертную казнь заменили на тюремное заточение в Шлиссельбургской крепости, где Б. Шварце пробыл семь лет, а затем более 20 лет находился в ссылке в Казахстане, Туркменистане, Сибири. Только в 1891 году он был освобожден и, получив возможность свободного выбора местожительства, поселился во Львове, где и умер в 1904 году.

Благодаря деятельности К. Калиновского и его соратников кружки, подобные гродненскому и белостокскому, возникли вскоре в других уездных городах губернии — Соколке, Слониме, Волковыске, Пружанах, Кобрине, Бресте. Они пополняли свои ряды прежде всего за счет разночинной интеллигенции с передовыми взглядами. Показателен такой пример. Выдвигая Э. Заблочкого на руководящую должность в гродненском кружке, К. Калиновский заявил ему, что хотел бы, чтобы в организации *«было более людей одного с ним положения, то есть не принадлежащих к классу помещиков (выделено мной.— В. Ш.), иначе последние заберут всю власть в свои руки»*²⁰.

Так постепенно начала складываться и совершенствоваться структура гродненской губернской революционной организации. Разрабатывая принципы и структуру подполья, К. Калиновский, опираясь на наиболее радикальные элементы революционных кружков Гродненской губернии, развернул активную пропагандистскую работу среди крестьян, стремясь в их среде найти опору будущего восстания. Как справедливо отметил А. Ф. Смирнов, «это была ставка на мобилизацию широких народных масс на крестьянскую революцию»²¹.

Переодетые в домотканую, позволявшую легко слиться с крестьянской толпой одежду, хорошо зная местность, обычаи и язык, агитаторы использовали малейшие возможности для общения с крестьянами, для просвещения их в революционном духе. Момент для революционной пропаганды был выбран Калиновским удач-

---

²⁰ Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг. С. 491.

²¹ Смирнов А. Ф. Революционные связи народов России и Польши... С. 191.

но. В те времена группы взбудораженных реформой мужиков постоянно собирались на торгах, ярмарках, по окончании богослужения в костелах и церквях²². Они жадно слушали людей, слова которых были созвучны их интересам и помыслам. Выступления революционно настроенной молодежи на таких стихийных собраниях среди крестьян, несомненно, имели успех. Насколько ощутимым он был, можно судить по тому, что в 1863 году крупнейшая в Гродненской губернии Зельвенская ярмарка по распоряжению властей не проводилась²³. Власти откровенно боялись деятельности агитаторов.

Для большей эффективности пропаганды молодые люди отправлялись непосредственно в деревни. Они селились на некоторое время у крестьян и, помогая им в нелегком их труде, проводили беседы в революционном духе. Эти опасные побывки, затягивавшиеся порой на несколько недель, открывали агитаторам путь к крестьянским сердцам, делали их взгляды более притягательными и убедительными. Интересные свидетельства об этом сохранились в воспоминаниях Людвиги Родзевич: *«Передовая молодежь шла «в народ», чтобы вместе с ним трудиться во имя лучшего будущего»*.

...Помню, как заливалась горячими слезами, увидев натруженные руки моего брата Юзефа [Ямонта], студента Петербургского университета, возвратившегося домой после длительного отсутствия с одного из таких хождений «в народ». В его вещах мы нашли остатки разорванной на куски рубахи. Выяснилось, что при расставании на память о себе он разорвал ее на тонкие тесемки для тех, кого называл «братьями своими» и в сердцах которых силлил возбудить такие же чувства, какими сам был охвачен»²⁴.

В то время эта форма революционной пропаганды приняла массовый характер. Активно участвовал в ней и сам Калиновский. Рожанский вспоминал, что *«в целях ознакомления с действительным настроением людей, а также для противодействия агитации, проводимой правительством посредством попов и иных угнетателей, Калиновский ... регулярно совершал успешные пешеходные*

²² *Biłgorajski F.* Pamiętnik o sprawie chłopskiej... S. 15.

²³ Гродненские губернские ведомости. Отдел второй, часть официальная. 1863. 31 мая.

²⁴ *Rodziewicz L.* Garść wspomnień z 63 r. // *Ze skarbcza kultury*. 1952. N 1 (2). S. 8.

странствия по всему краю, переодеваясь в различные одежды»²⁵.

Нетрудно вообразить себе К. Калиновского — молодого кандидата наук — переодетым в крестьянскую свитку, пешком обходящего уезды Гродненской губернии. В таком облике обычно и предстает белорусский революционер-демократ в многочисленных публикациях. (Отсюда, кстати, и один из его псевдонимов — Василь Свитка, под которым он выступает в дилогии Вс. Крестовского «Кровавый Пуф».)

Как горячо надо было любить народ, чтобы, отрекшись от личной жизни, идти от села к селу, с ярмарки на ярмарку, из одной волости в другую и в переполненных корчмах, в убогих хатах, а то и просто где-нибудь в поле или на лугу в минуты непродолжительного крестьянского отдыха, а может быть и во время работы, с кося или топором в руках, слушать рассказы о бесконечных обидах, о жестоком угнетении, о подневольном труде и вместе с тем разъяснять крестьянам (как вспоминал Ф. Рожанский), *«на чьей стороне надо бороться и каким путем можно сбросить ненавистный гнет»²⁶.*

Как глубоко надо было знать жизнь и психологию крестьян, чтобы отыскивать доходящие до их сердца слова, воспалять накопившийся у них гнев, будить их веру в свои силы в предстоящей борьбе.

В воспоминаниях Ф. Рожанского обращают на себя внимание слова *«переодеваясь в различные одежды»*. Это подтверждает и А. Гиллер, отмечая, что К. Калиновский *«свой внешний облик и одежды часто изменял в зависимости от обстоятельств»²⁷.*

Отсюда понятно, почему в жандармских донесениях он описывается то рыжим, то черным, то бородатым... Революционеры 60-х годов часто прибегали к переодеванию, особенно в крестьянскую одежду, чтобы таким образом ввести в заблуждение полицию*. К. Калиновский, с 1862 года находившийся на нелегальном положении, этим приемом пользовался постоянно, особенно в Виль-

---

²⁵ Rożański F. Z województwa grodzieńskiego // W czterdziestą rocznicę... S. 396.

²⁶ Ibidem, S. 397.

²⁷ Giller A. Historia powstania... T. 1. S. 176.

* Один из таких случаев описан С. С. Окрейцем (Окрейц С. С. Воспоминания инсургента // Ист. вестн. 1912. Т. 122. С. 880—913).

но на заключительном этапе восстания, когда он возглавил революционную организацию Белоруссии и Литвы. Ему всегда удавалось, ведя активную революционную пропаганду, ускользать от преследовавших его жандармов.

Для пропаганды своих идей революционные кружки использовали и другие приемы. Так, Рожанский вспоминал, что организации, видимо, с помощью входящих в их состав чиновников посылали в качестве сельских учителей и волостных писарей патриотически настроенных молодых людей, преимущественно учащихся, студентов. Работа на этих должностях позволяла находиться в непосредственной близости к народу. Живя среди крестьян, будучи в гуще их повседневных интересов, зная их нужды, молодежь влияла на них в революционном духе. В исторической литературе есть утверждение, что какое-то время, чтобы получить возможность общаться с крестьянами, волостным писарем в одном из уездов Гродненской губернии служил Калиновский. Если так и было, то непродолжительное время.

Необходимо заметить, что деятельность агитаторов наталкивалась на большие трудности. Их жестоко преследовала не только жандармерия, но и местные помещики, постоянно настраивая против них крестьян, а также жителей местечек, где они часто появлялись на торгах и ярмарках. Так, гродненский губернский предводитель дворянства граф В. Старжинский заявил царю, что белорусское и литовское дворянство на съезде в Вильно постановило противодействовать восстанию. «Чувствуется весьма хорошо,— сказал он,— что при первых беспорядках крестьяне будут за правительство и обратятся против них самих [восставших]»²⁸.

В том же реакционном духе развивало свою деятельность католическое и православное духовенство, о чем свидетельствует процитированный ранее отрывок из воспоминаний Ф. Рожанского, а также письмо Б. Шварце к Л. Мерославскому, отправленное в 1861 году из Гродненской губернии в Париж. В нем он писал, что крестьяне постоянно «подстрекаются к резне [против агитаторов] их величествами назимовыми*, рожновыми и другими». Тут имелись в виду и священники — непосредст-

²⁸ Kieniewicz S. Powstanie styczniowe. Warszawa, 1983. S. 12.

* В. Н. Назимов — в то время виленский генерал-губернатор.

венные проводники самодержавной идеологии среди православной части крестьян. Далее читаем, что ксендзы также «...совершенно отворачиваются от нас и даже ведут пропаганду в духе чисто самодержавном под влиянием высшего виленского духовенства»²⁹.

Несмотря на идейное противодействие реакционеров, агитация гродненской организации имела несомненный успех. «Местный сельский люд,— по словам Б. Шварце,— быстро прозревает и с каждым днем становится к нам все более доброжелательным. <...> Имею опирающиеся на веских доводах убеждения, что во время восстания значительную часть крестьян можно будет повести за собой»³⁰.

Правоту слов полностью подтверждает и Ф. Рожанский, который в своих воспоминаниях отмечал, что «народ повсюду относился к нам доброжелательно, многочисленные доказательства чего были даны как накануне, так и в ходе самого восстания». В частности, «продовольствие, проводников поставляли восставшим исключительно крестьяне, несмотря на трудности и суровую ответственность, которая им угрожала со стороны официальных властей»³¹.

Во многом это было достигнуто благодаря самоотверженной деятельности безымянных революционных агитаторов начала 60-х годов, подлинное подвижничество которых воспел в середине прошлого века в стихотворении «Эмиссар» известный польский поэт Винцентий Поль (1807—1872):

Поклонитесь тому, кто, забыв о себе,
Кто для отчизны, братства, свободы,
Прошел полсвета, сгорев в борьбе...

Можно полагать, что уже в 1861 году благодаря деятельности К. Калиновского и сформировавшейся вокруг него группы радикально настроенной молодежи революционные кружки были созданы на всей территории Гродненской губернии, состоявшей тогда из девяти уездов — Брестского, Кобринского, Пружанского, Волковысского,

²⁹ Цит по: *Złotożycka M.* Bronisław Szwarce o sytuacji okregu białostockiego w 1861 roku // *Przegląd historyczny*. 1954. T. 65. N 4. S. 762.

³⁰ Ibidem.

³¹ *Rożański F.* Z województwa grodzieńskiego // *W czterdziestą rocznicę...* S. 396.

Слонимского, Сокольского, Белостокского, Бельского, Гродненского. Уездные организации включали в себя городские, окружные и приходские организации. Город Гродно, где существовала самостоятельная городская организация, был разделен на секции.

Структуру уездной организации можно представить на примере организации Гродненского уезда. Уезд был разделен на пять округов, округа, в свою очередь, — на приходы (парафии), во главе которых стояли окружные и приходские руководители. Они подчинялись уездному комиссару. В распоряжении последнего имелось несколько референтов по финансовым, земельным, военным и другим вопросам. Уездный начальник с участием руководителей окружных и парафиальных организаций периодически проводил заседания, проходившие обычно в Гродно ³².

Гродненская революционная организация, которая развивала свою деятельность в тесной связи с революционными кружками в других губерниях и городах, и в частности в Вильно, где в том же направлении действовали Людвиг Звездовский, Эдмунд Вериго и другие, распространяла свои организационные принципы на другие губернии Белоруссии и Литвы — Минскую, Могилевскую, Витебскую, Виленскую, Ковенскую, а также Инфлянты — северные уезды Витебской губернии с белорусским и латышским населением. Активизация революционных сил в этих губерниях привела к тому, что летом 1861 года на территории Белоруссии и Литвы был создан Комитет движения (с 1862 года Литовский провинциальный комитет), в состав которого вошли виднейшие представители белорусской и литовской революционной демократии — Константин Калиновский, Людвик Звездовский, Эдмунд Вериго, Ян Козел-Поклевский, Ахилл Бонольди. Представителем варшавского Центрального национального комитета в Комитете в Вильно был Нестор Дюлоран, служащий Варшавско-Петербургской железной дороги. В союзе с революционными силами России и Польши Комитет развернул подготовку вооруженного восстания на территории Белоруссии и Литвы.

Таким образом, уже на начальном этапе развития национально-освободительного движения в Белоруссии

---

³² *Maliszewski E. Organizacja powstania styczniowego. Warszawa, 1919. S. 72—73.*

и Литве, который предшествовал восстанию 1863 года, проявились незаурядные способности Калиновского — конспиратора, пропагандиста, организатора. Особенно отчетливо плоды революционной деятельности Калиновского на Гродненщине обнаружались с началом восстания 1863 года, когда в первые же дни вооруженной борьбы на территории губернии во всех уездах были сформированы боеспособные партизанские отряды, в которых было много крестьян. В то же время ярко проявился талант К. Калиновского-публициста при издании первой белорусской революционно-демократической газеты — «Мужыцкай праўды».

«МУЖЫЦКАЯ ПРАЎДА»

...Даходзяць да мяне
У Гродню чуткі, пэўныя даволі,
Што нехта тут адозвы сее ў полі,
Мужык знаходзіць іх у збажыне.
І нехта ўжо чытаў іх на млыне.

Аркадий Кулешов

К. Калиновский был убежден, что успех восстания будет зависеть от участия в нем крестьянских масс. Поэтому он вел активную революционную агитацию среди крестьян. Чтобы нести в массы крестьян идеи свободы, борьбы с самодержавием и крепостничеством, К. Калиновский совместно с Ф. Рожанским и В. Врублевским основал нелегальную типографию и организовал выпуск первой белорусской газеты «Мужыцкая праўда», предназначенной для крестьян. С июля 1862 года по июнь 1863 года вышло семь номеров, подписанных псевдонимом «Ясько — гаспадар из-под Вильно». Большинство материалов, опубликованных в газете, было написано К. Калиновским. Газета издавалась в виде листков небольшого формата, латинским шрифтом. Где она издавалась, точно не установлено. Возможно, ее печатали в разных местах, но, несомненно, одним из этих мест было Гродно.

Появление газеты для крестьян — знаменательное явление в истории духовной жизни не только Белоруссии. Анализируя публицистику социалистов-утопистов XIX века, Г. В. Плеханов отмечал, что «прямых обращений к крестьянству мы не находим ни в английской, ни во фран-

цузской социалистической литературе»³³. Исключение составляет лишь «Гессенский сельский вестник», изданный в 1834 году в Германии немецким революционером-демократом Георгом Бюхнером (родным братом известного философа Людвига Бюхнера, автора труда «Сила и материя») и предназначенный для немецких крестьян. Однако «Гессенский сельский вестник», по словам Г. В. Плеханова, «оставался одиноким явлением», так как вышел в свет лишь один номер.

Только русские социалисты 60—70-х годов XIX века стали адресовать свои воззвания крестьянству. Вслед за ними непосредственно обратился к крестьянству и Калиновский, наладив издание газеты, последовательно выражавшей интересы широких крестьянских масс.

На страницах «Мужыцкай праўды» разоблачалась классовая сущность самодержавия, грабительский характер реформы 1861 года, проведенной в интересах крепостников, подвергалась уничтожающей критике система общественных отношений самодержавно-помещичьей России. Об этой особенности революционно-демократической идеологии 40—60-х годов хорошо сказал А. И. Герцен. «Главным камнем на дороге,— писал великий русский революционер-демократ,— лежало чудовищное крепостное право... Против крепостного права и были устремлены все наши удары, все усилия: устранению его мы подчинили все интересы»³⁴.

Развивая традиции великих русских революционеров-демократов, Калиновский глубоко вскрыл суть крепостнической эксплуатации во всех ее формах, показал паразитизм помещиков, исключительно тяжелое положение крепостных крестьян Белоруссии, изнемогающих под бесчисленными поборами самодержавия. *«Велел он [царь] нам еще два года служить барщину, и барщину мы отбывали. Потребовал царь рекрута — дали мы ему и рекрута... Накинул нам подушного — платили мы подушное за живых и мертвых, за детей и старцев немощных, платили мы земскую повинность да всевозможные сборы, платили на посредника, на правление, старшинам, писарям, окружным, ассессорам — бог знает кому только не платили. Все нас обижали да все грабили, бил нас кто сильней, обижал кто богаче»,* — отмечалось на страницах

³³ Плеханов Г. В. Избр. филос. произведения. М., 1957. Т. 3. С. 604.

³⁴ Герцен А. И. Собр. соч. Т. 15. С. 245.

«Мужыцкай праўды»*. Царским поборам конца не видно. Только и слышит мужик от царского правительства: *«Мужик, давай рекрута, мужик, давай налоги, да и барщину еще отработывай и плати оброк в казну»**.*

В публицистике Калиновского нашло также отражение тяжелое положение и казенных (государственных) крестьян, которых нещадно эксплуатировали как представители царской администрации, так и арендаторы государственных имений. *«Раньше они [мужики казенные] отработывали барщину казне, а потом их перевели на оброк, но кроме оброка гоняли их без всякого вознаграждения на работу то к окружному, то к ассессору, то еще черт знает к кому».*

Белорусский революционер-демократ подверг резкой критике враждебную народу государственную машину абсолютизма, ее огромный бюрократический аппарат управления — безотчетный и бесконтрольный, с процветающей в нем широкой системой лихоимства и взяточничества. Он метко сравнивал царских чиновников с саранчой, которая уничтожает на своем пути всю растительность, превращает оазисы в пустыни. *«Читал я в книжках,— писал К. Калиновский,— что есть на свете какая-то саранча, которая, если где появится, все посева хозяйские уничтожит; имеем мы, братцы, еще более прожорливую саранчу — это чиновники царские. Они умеют так обобрать человека, что из их рук выйдешь голенький, как мать родила».*

Насколько меткой была критика царской администрации К. Калиновским, позволяют судить слова В. И. Ленина, который в работе «К деревенской бедноте», характеризуя царское самодержавие как «самодержавие чиновников» и сравнивая царских чиновников с пауками, писал: «Ни в одной стране нет такого множества чиновников, как в России. <...> Армия чиновников, которые народом не выбраны и не обязаны давать ответ народу, соткала густую паутину, и в этой паутине люди бьются, как мухи»³⁵.

---

* Цитаты из газеты «Мужыцкая праўда», № 1—6, приводятся по кн.: Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг., из № 7 по кн.: Восстание в Литве и Белоруссии 1863—1864 гг. Отрывки из «Писем из-под виселицы» даны по кн.: Giller A. Historia powstania...

** Перевод уточнен автором.

³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 137.

Обличал на страницах газеты Калиновский и суд, который был лишь придатком царской администрации и целиком зависел от нее. С присущим ему остроумием Калиновский сравнивал царские суды с волчьей стаей, *«где не разбираются, прав ты или виноват, а рвут на части, как могут»**. Справедливости в обществе для мужика, подчеркивал он, *«никакой нет, кто сильнее, тот и издевается»**. Такой суд никому не нужен, так как *«каждый может мужика обидеть, каждый сильнейший может глумиться над бедным, как ему вздумается»*.

Калиновский указывал, что на страже интересов господствующих классов находится армия, которая помогает эксплуататорам угнетать трудящихся: *«А войско не для того держат, чтобы оберегать каждого от злых людей и от притеснений, а для того, чтобы не позволить народу и застонать, когда осознает свою неволю, когда убедится, что дерут с него сверх меры»*.

Белорусский революционер-демократ настойчиво рассеивал также царистские иллюзии крестьян. Он убедительно доказывал, что все беды народа, *«притеснения, разорение и несправедливость исходят от самого царя»*.

В бедствиях народа, отмечал Калиновский, виновато не только самодержавие, но и паны, которые, так же как и царь, *«не свободы, а притеснения и разорения нашего хотят»*. Царь и паны заодно, так как *«царь... у панов сто раз спрашивал, какую они желают дать свободу мужикам, а у мужиков и разу не спросил, какой они хотят свободы»*. Именно поэтому царь, писал К. Калиновский, *«помещиков совсем освободил от всяких тягот... сняв с них всякие налоги, свалив целиком их на мужицкое племя, обложив налогами и мужицкую землю, и мужицкие хаты, и мужицкие души, и мужицких детей, и мужицкую скотину, живых и умерших»*.

«Но не долго они [самодержавие и паны] нас будут грабить, — отмечалось на страницах «Мужицкай праўды», — потому что мы узнали, где сила и правда, и будем знать, что делать нужно, чтобы добыть землю и свободу».

Калиновскому, который стремился затронуть в своей публицистике каждый натянутый нерв социальной жизни самодержавной России, не удалось избежать и некоторых ошибочных положений на страницах издаваемой газеты. Это касается в первую очередь посвященного ре-

---

* Перевод уточнен автором.

лигиозной проблематике шестого номера «Мужыцкай праўды» — наиболее трудного для понимания современному читателю. В связи с этим необходимо напомнить о событиях, которые произошли в Белоруссии и Литве незадолго до восстания 1863 года в области церковной политики самодержавия.

В 1839 году на церковном соборе в Полоцке, созванном по инициативе царского правительства, было принято решение о воссоединении униатской церкви с православной. Этим актом отменялась Брестская церковная уния 1596 года. Таким образом, если ранее униатская церковь придерживалась основных догматов католицизма и признавала своим главой папу, то теперь должна была признать основные догматы православия, а своим главой — русского царя. Тем самым укреплялись позиции самодержавия в Белоруссии и Литве.

Решение Полоцкого собора было насильственным актом, подготовленным самодержавием в сговоре с верхушкой униатской церкви без учета желания верующего белорусского крестьянства, о котором никто не спрашивал.

И хотя большинство верующего населения Белоруссии и Литвы отнеслось к воссоединению с православием безразлично, наблюдались и явления другого характера. «Исторические факты говорят, что отмена унии, проведенная в 1839 году, — пишет А. Ф. Смирнов, — в ряде мест из-за грубого административного вмешательства властей в вероисповедные дела возбуждала недовольство»³⁶.

Против воссоединения с православием выступила также часть униатского духовенства Белоруссии. Кроме того, униатская церковь была отменена не везде. Она продолжала функционировать в Люблинской, Седлецкой и других смежных с Гродненской губерниях.

Все это, и прежде всего недовольство определенной части крестьянства, учитывал К. Калиновский в революционной пропаганде — ведь уния была отменена немногим более двадцати лет до начала восстания, — когда писал, что *«царь московский... подкупив многих попов, велел в схизму [то есть православие] записать нас... и, как тот антихрист, отобрал у нас нашу праведную униатскую веру и погубил нас перед богом навеки»*, ибо всевышним

---

³⁶ Смирнов А. Ф. «Мужыцкая праўда» // Восстание 1863 года и русско-польские революционные связи 60-х годов. С. 32.

установлено, чтобы «закон его [т. е. вера] был уже вечным и никто не смел его менять».

Калиновский как материалист и атеист понимал реакционную роль религии, но в тактических целях, стремясь возбудить у крестьян революционный гнев против самодержавия, выступал в защиту униатской церкви, против подавления православием униатства, являвшегося «в силу сложившихся обстоятельств верой крестьянского населения Белоруссии»³⁷. Дворянство, как известно, исповедовало католицизм.

Таким образом, стремясь затронуть в революционной пропаганде все пороки социальной жизни, Калиновский выступил против отмененной самодержавием Брестской церковной унии, став на сторону униатской церкви, введенной с целью окатоличивания и колонизации белорусского народа. И хотя защита религиозных чувств верующих содействовала усилению антицарской агитации крестьян, подобные пропагандистские приемы (противопоставление одного вероисповедания другому, поддержка униатской церкви) не способствовали освобождению сознания масс от религиозных верований.

К. Калиновский принадлежал к числу тех мыслителей, которые выступали также с критикой капитализма. Как и великие русские революционеры-демократы, он видел в капитализме строй, представляющий лишь новую систему эксплуатации человека человеком. «Нет и уголка земли на свете, — писал К. Калиновский, — где бы люди были все как один добрые и не хотели бы жить за счет угнетения своего ближнего*». Таким образом, он ясно видел невозможность действительной свободы и социального равенства для человека труда и в капиталистическом обществе.

Несмотря на определенные недостатки, критика К. Калиновским крепостного права и самодержавия свидетельствовала о том, что он был убежденным противником эксплуататорского строя, сторонником коренного переустройства общества на новых, справедливых началах. Эта критика способствовала классовому просвещению белорусских крестьян, воспитывала у них ненависть к помещикам и самодержавию, готовила их к борьбе за торжество новых социальных принципов.

³⁷ Из истории свободомыслия и атеизма Белоруссии. Минск, 1977. С. 249.

* Перевод уточнен автором.

«Мужыцкая праўда» призывала готовиться к вооруженной борьбе за землю и волю: *«...нам не манифестов, а свободы нужно — и свободы не такой, какую нам царь пожелает дать, а какую мы сами, мужики, между собой сделаем. А для того, ребята, чтобы никто вас не мог обмануть, теперь уже толкуйте между собой, какой вам свободы нужно и каким единственно способом мужик ее добывать может».*

Калиновский в полную меру осознавал всю тяжесть этой нелегкой задачи, стоящей перед народом: *«немало труда надо, чтобы завоевать эту свободу, которую ждет всякий, начиная с ребенка и кончая стариком».* Но он считал ее вполне достижимой. Для этого надо только, чтобы *«мужики все вместе взбунтовались и взялись за топоры, ножи и косы».* Калиновский безгранично верил в силы народа: *«Силы наши огромны, воевать с ними можем, но для этого надо, с одной стороны, их укреплять, а с другой постоянно создавать новые».*

Видя главную революционную силу в крестьянстве, К. Калиновский вместе с тем считал возможным участие в народной революции горожан и студенчества, стремился к союзу с ними, подчеркивал, что у них с крестьянами общие интересы. *«Бунтуют городские и молодежь за свою и нашу свободу»*, — писал он на страницах *«Мужыцкай праўды»*, поясняя крестьянам, что они, отстаивая свои интересы, *«желают вашей [крестьянской] свободы, вашего счастья».*

Более того, поскольку восстание 1863 года в Белоруссии и Литве носило национально-освободительный характер, К. Калиновский как последовательный революционер-демократ не исключал возможности участия в нем отдельных помещиков, но на такой идейной платформе, которая не противоречила бы интересам крестьян. *«Если паны пожелают идти с нами, — писал он, — так пускай поступают по святой справедливости; если же иначе — так черт их поберит».*

Однако главная движущая сила революции — крестьяне. *«Мужик, пока в силах держать косу и топор, — писал К. Калиновский, — защитить свое сумеет и ни у кого милости просить не будет».* Необходимо только, чтобы свои интересы крестьяне отстаивали смело и решительно. *«Возьмемся, мужики, за руки и будем держаться вместе!»* — призывал бесстрашный революционер-демократ.

Борьба с самодержавием за землю и волю должна принять характер всенародной войны. *«Когда будет война с царем за нашу свободу,— читаем в «Мужыцкай праўдзе»,— то тотчас же нужно всем идти на войну против царя. А это для того, чтобы скорей прогнать царя с его собачьим правлением и чтобы никогда никакой никому мужики барщины не служили и никакого в казну оброка не платили, чтоб на веки веков народ наш был свободным и счастливым»**.

Калиновский был убежден, что действительной свободы и народного счастья можно достигнуть только рука об руку с народом России, сражаясь плечом к плечу против общих угнетателей. Он указывал и на стремление к союзу со стороны русского народа. Именно поэтому белорусский революционер-демократ рассматривал назревшее восстание в Белоруссии и Литве как составную часть общероссийской крестьянской революции. *«Калиновский рассчитывал,— писал В. Ратч,— что единовременный мятеж, раскинутый по всей Северо-Западной России... будет самым ободрительным примером для крестьян соседних великорусских губерний»³⁸.*

«Мужыцкая праўда» получила широкое распространение «по всему краю от Немана и Буга до Двины и Днепра»³⁹. Подтверждают это многие источники, в частности воспоминания Е. И. Кучевского-Порая, шляхетского революционера, участника восстания 1863 года, не разделявшего революционно-демократических взглядов Кастуся Калиновского и его сторонников. *«В эту пору [в 1862 году],— вспоминал Е. И. Кучевский-Порай,— появилась подпольная революционная газета, ставившая своей целью призыв к поджогам и кровопролитию, подстрекания крестьян против русских чиновников и бывших панов. Крестьяне призывались к тому, чтобы они сами установили для себя справедливость с помощью резни. Эта газета, выходявшая на белорусском языке под названием «Мужыцкая праўда»... распространялась в тысячах экземпляров»⁴⁰.*

* Перевод уточнен автором.

³⁸ Ратч В. Ф. Сведения о польском мятеже 1863 года... Т. 1. С. 194.

³⁹ Смирнов А. Ф. «Мужыцкая праўда» // Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов. С. 48.

⁴⁰ Цит. по кн.: Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг. С. 203.

В короткое время газета в полном смысле слова облетела все губернии и уезды Белоруссии, часть Литвы и Латвии. Видимо, поэтому А. И. Герцен и писал, что номера «Мужыцкай праўды» превращаются в «летучие листки»⁴¹.

Наряду с лондонскими изданиями А. И. Герцена «Мужыцкая праўда» пользовалась большой популярностью, и вполне справедливо исследователь белорусской культуры XIX века Г. В. Киселев метко назвал ее «родной сестрой „Колокола“». Показательно, что созвучные по идеям, по содержанию газеты зачастую и распространялись вместе. Так, в 1960 году в одном из домов Вильнюса во время ремонта был обнаружен тайник, представлявший собой в некотором роде архив революционной публицистики времен 1861—1863 годов. Среди замурованных бумаг вместе с «Мужыцкай праўдай» (номера первый — третий) находились и переписанные из «Колокола» статьи — письмо Джузеппе Гарибальди А. И. Герцену и ответ А. И. Герцена, текст воззвания русских женщин к польским женщинам⁴².

Нередко номера «Мужыцкай праўды» дополнялись переписанными из «Колокола» статьями, приветствиями в адрес А. И. Герцена, здравицами в честь революционного союза угнетенных народов. Так, один из распространителей белорусской газеты дополнил ее текст следующими рукописными фразами:

«Голос русского народа! Да здравствует республика! Да здравствует великий диктатор России Александр Искандер!* Да здравствует всеобщий славянский союз! Да здравствует свобода и единство! Долой чухонско-немецкую династию лжеромановых! Долой их кабально-немецкое правительство, которое состоит из льстецов, расхитителей, грабителей и палачей!»⁴³.

Особенно активную деятельность развернули распространители газеты на территории Белоруссии. Об этом, в частности, употребив все свое церковное красноречие, писал в январе 1863 года полоцкий архиепископ обер-прокурору синода: «Род газеты, революционным общест-

---

⁴¹ Герцен А. И. Собр. соч. Т. 17. С. 495.

⁴² Абрамавичюс В. Е. Валерий Врублевский // К столетию героической борьбы «За нашу и вашу свободу». М., 1964. С. 127.

* Искандер — по-арабски Александр; псевдоним А. И. Герцена.

⁴³ Жукоўскі А. Герцэн і «Мужыцкая праўда» // Беларусь. 1956. № 9. С. 29.

вом в Вильно издаваемой на белорусском языке, — «Мужыцкая праўда», цель которой волновать простой народ против правительства русского и побудить его ко всеобщей резне, в великом множестве распространяется при полном содействии пропагандистов, коих немало кроется в здешних губерниях».

Распространением номеров газеты занимались прежде всего члены революционной организации, а также и патриотически настроенная молодежь, которая, как отмечал А. Гиллер в своей «Истории восстания польского народа», «читала их в хатах и корчмах»⁴⁴. Многим крестьянам идеи «Мужыцкай праўды» так приходились по душе, что они запоминали текст газеты наизусть. Вот рассказ одного из жителей села Номики Гродненской губернии, приведенный Г. В. Киселевым в его книге «З думай пра Беларусь». «Я и крестьянин Михаил Зентюк собирали вместе в лесу хворост, и Зентюк в это время читал мне по памяти «Мужыцкую праўду». После того, как он закончил, я спросил его: «Ты же неграмотный, когда ты успел научиться читать?» На это Зентюк ответил: «В нашем селе читали эти бумаги, я и запомнил написанное в них»⁴⁵.

В распространении газеты участвовали также крестьяне. Так, один из крестьян Гродненской губернии Казимир Станкевич, передавая односельчанам экземпляры «Мужыцкай праўды», говорил: «Прочитайте сами или пусть вам прочитают другие и будете знать о «панщине», можете оставить их себе, таких у меня есть больше сотни»⁴⁶. 6 июня 1863 г. за распространение «Мужыцкай праўды» в Соколке был расстрелян крестьянин Матвей Цюхна. Об этом 1 августа того же года сообщил герценовский «Колокол»*.

Активное участие в распространении газеты принимали сами издатели — Рожанский, Врублевский, Калиновский. До недавнего времени в Архиве Института истории партии при ЦК КПБ в Минске хранилось «Секретное дело о дворянине Калиновском, распространявшем возмутительные брошюры между крестьянами». Теперь

⁴⁴ Giller A. Historia powstania... T. 1. S. 177.

⁴⁵ Кісялёў Г. В. З думай пра Беларусь. С. 24, 26.

⁴⁶ Кісялёў Г. В. Сейбіты вечнага. С. 119.

* Ранее в «Колоколе» сообщалось, что за распространение газеты были осуждены экономы из Венянского уезда Матей Петровский и Феликс Томашевич.

оно передано в Центральный государственный архив БССР в Гродно. Уместно процитировать находящийся в этом деле рапорт пристава 2-го стана Слонимского уезда Л. Ф. Агатина гродненскому губернатору И. В. Галлеру. Он написан 27 октября 1862 года и содержит сведения о распространении Калиновским «Мужыцкай праўды»:

«Временнообязанным крестьянам от некоторого времени подбрасываются злонамеренными людьми экземпляры брошюр для чтения под заглавием «Мужыцкая праўда». Брошюры эти крестьяне, читая между собой, извлекают разнородную мысль. Желая затем открыть таковые, отправляясь я вчерашнего числа в дер. Шейняки в вверенном мне стане, по тракту Волковысскому расположенном, где при содействии местного старосты Людвиг Левковича открыл 2 экз. упомянутой брошюры. Из числа крестьян дер. Шейняки Мартин Микуцин, Антон Агиевич и Михаил Лукашевич объяснили, что 7 числа настоящего октября месяца в 5 часов пополудни проезжий, следуя почтовым трактом через дер. Шейняки в гор. Волковыск на паре почтовых лошадей, выбрасывал свертки бумаг на дорогу, и упомянутые крестьяне, поднимая, обращались к грамотным своим собратьям прочитывать.

Вышеуказанный пассажир одетым был в овчинной шубе, покрытой, казалось им, сукном, воротник от оной из длинных черных барашков, фуражку на голове имел гражданского ведомства со звездочкой. Сам был росту среднего, брюнет, усов черных, лет около 36*.

Последствием такового разъяснения крестьян обращался я на Рожанскую почтовую станцию и по забранной мной лично справке обнаружил, что проезжим пассажиром был, как видно из книги, в 5 часов выехавший некто дворянин Викентий Калиновский, по подорожной в[ашего] п[ревосходительства] от 5 октября за № 16 668, ему выданной, возвращающийся из гор. Слонима в гор. Волковыск»⁴⁷.

После этого события К. Калиновский, которого, видимо, своевременно предупредили о розыске, вынужден был перейти на нелегальное положение, скрываться под

---

* Калиновский, о котором здесь идет речь, видимо, был загрирован.

⁴⁷ Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг. С. 477—478.

различными фамилиями — Макаревича, Хамовича, Черноцкого, Витоженца. Возможно, это время из жизни белорусского революционера-демократа имел в виду Максим Танк, когда в своей исторической поэме «Калиновский» писал:

...А ён полем шырокім на коніку едзе.
Праз лясы прабіраецца шэрым мядзведзем...

Несмотря на жестокие репрессии, обрушивавшиеся на распространителей «Мужыцкай праўды», ее идеи проникали во все уголки белорусской земли. Объективно оценивая обстановку того времени, один из участников подавления восстания в Белоруссии и Литве признавал, что «революционная организация была сильнее полицейской предусмотрительности... Полиция не смогла воспрепятствовать развитию пропаганды и ее смелым действиям». Семь номеров «Мужыцкай праўды» оказали большое влияние на рост революционной сознательности народных масс.

В истории публицистики кануна восстания 1863 года «Мужыцкая праўда» занимает особое место еще и потому, что из всех многочисленных подпольных газет, выходивших в то время на территории Белоруссии, Литвы и Польши, лишь она одна призывала массы к борьбе не только против самодержавия, но и против панов. На эту важнейшую отличительную особенность «Мужыцкай праўды» в подпольной прессе этого периода первым обратил внимание известный польский ученый, профессор Варшавского университета, один из самых авторитетных историков январского восстания Стефан Кеневич. В предисловии к сборнику «Подпольная пресса 1861—1864 гг.», вышедшему в серии «Восстание 1863 года: Материалы и документы», он писал: «Исключением особой важности во всей этой картине оказалась «Мужыцкая праўда», издание для народа, печатавшееся на белорусском языке латинским алфавитом группой Кастуся Калиновского. Революционный демократизм этой группы, углубившийся благодаря тесным связям с революционным движением в России, заставил ее стать на защиту крестьянина как жертвы классовой эксплуатации. В то время как польские издания, предназначенные для народа, апеллировали к его патриотическим чувствам, призывая одновременно к соглашению с панами, «Мужыцкая праўда» брала исходным пунктом крестьянскую нужду, ука-

зывая, что паны являются ее виновниками наравне с царизмом»⁴⁸.

Однако в то, да и более позднее, время не все члены Литовского провинциального комитета — руководящего центра по подготовке восстания в Белоруссии и Литве — были сторонниками идей К. Калиновского, разделяли его взгляды, пропагандировавшиеся на страницах «Мужыцкай праўды», которая издавалась, видимо, без ведома Комитета или с его молчаливого согласия*. Свидетельством тому является содержание газеты «Штандар вольности» («Знамя свободы») — органа Литовского провинциального комитета, на страницах которой проводилась идея «классового мира». Газета выдвигала «принцип равноправия всех сословий и вероисповеданий, без ущерба для чьей бы то ни было собственности и свободы совести, призывая к единству действий все без исключения слои... общества во имя свободы и независимости»⁴⁹. Как видим, К. Калиновский, редактировавший и эту газету, вынужден был здесь уступить шляхетским революционерам, стоявшим на позициях «классового мира».

Расхождение в содержании обеих газет, которые редактировало одно, причем очень последовательное в своих убеждениях лицо, говорит о том, что в Литовском провинциальном комитете накануне восстания еще не было согласия по одному из главных вопросов восстания — социальному, тесно связанному со стратегией и тактикой классовой борьбы, что вокруг него постоянно шли жаркие споры, во время которых Калиновскому приходилось тратить невероятно много усилий, чтобы проводить в жизнь свои принципы, находить сторонников своих взглядов. Непримирым идейным противником Калиновско-

⁴⁸ Prasa tajna z lat 1861—1864. Cz. 1. S. XXXIII.

* О том, что Литовский провинциальный комитет не имел непосредственного отношения к редакции «Мужыцкай праўды», свидетельствуют воспоминания Е. И. Кучевского-Порая: «Я обратил внимание Дюлорана на редакцию «Мужыцкай праўды», с которой он, как я думал, поддерживал связь, обратил его внимание на так недоразуманно провозглашавшиеся и никуда не ведущие принципы. Я посоветовал, чтобы пропаганда велась путем показа истинных притеснений и их источников. Дюлоран, казалось, разделял мое мнение, но тогда он, как я узнал позже, не имел никакого отношения к этой газете» // Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг. С. 205.

⁴⁹ Цит. по кн.: Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг. С. 145.

го, к которому он относился особенно неприязненно, был Дюлоран*. Однажды, вышедший из себя, Калиновский силой «вытолкал Дюлорана из заседания»⁵⁰. Не раз сам Калиновский, натура вспыльчивая и стремительная, вынужден был покидать заседания. Вот как описывает в своих воспоминаниях один из таких случаев Кучевский-Порай: «Понимание нужд края было так различно, что мы не могли понять друг друга. Калиновский возражал против всего, никому не дав говорить, поэтому мы его попросили, чтобы он разрешил нам сначала договориться между собой, а потом уже с ним вместе. Он согласился и ушел с заседания»⁵¹. Обстановка разногласий значительно тормозила процесс подготовки восстания. Поэтому не совсем правы исследователи, которые изображают деятельность Литовского провинциального комитета в розовых тонах, характеризуя всех его членов как последовательных революционных демократов, сторонников крестьянской революции.

Значительно большего успеха удалось добиться К. Калиновскому в Литовском комитете при обсуждении национального вопроса. Именно он поставил в комитете на повестку дня этот вопрос. «Когда же в устроенном комитете Константин Калиновский вступил в число его членов,— писал В. Ф. Ратч,— тогда он этот вопрос, смутно понимаемый и на который никто не обращал внимания, на первых заседаниях стал приводить в ясность»⁵².

В решении национального вопроса Калиновский был последователем Герцена, который связывал национальное освобождение с социальным, то есть с уничтожением помещичьего землевладения и самодержавия и наделением крестьян землей. Герцен считал, что этой цели можно достигнуть только путем сплочения революционных сил всех угнетенных народов, предоставив им право после свержения самодержавия самостоятельно распо-

---

* В самый ответственный момент восстания Дюлоран, интриган и двурушник, трусливо покинул свой пост представителя Центрального национального комитета в Литовском провинциальном комитете. Умер в эмиграции в Париже, владея фотомастерской.

⁵⁰ Ратч В. Ф. Сведения о польском мятеже... Т. 1. С. 186.

⁵¹ Цит. по кн.: Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг. С. 207.

⁵² Цит. по кн.: Киселев Г. В. К характеристике революционного мировоззрения К. Калиновского («Сведения» В. Ф. Ратча как исторический источник) // Славянское источниковедение. М., 1965. С. 45.

ряжаться своей судьбой. В письме «Русским офицерам в Польше» 10 октября 1862 года он писал: «Земля крестьянам, самобытность областям — на этом основании, и только на нем, может установиться деятельный союз воли с польскими братьями»⁵³.

Выдвигая тезис независимости Польши, А. И. Герцен в свою очередь требовал от поляков отказа от притязаний на белорусские, литовские, украинские земли. В том же письме он восклицал: «*Быть Литве, Белоруссии и Украине, с кем они быть хотят или ни с кем, лишь бы волю их узнать не поддельную, а действительную*»⁵⁴.

Взгляды А. И. Герцена разделял К. Калиновский. Он вел упорную и последовательную борьбу с националистическими притязаниями той части польских шляхетских революционеров, которая требовала восстановления Польши в границах 1772 года. К. Калиновский, как писал В. Ф. Ратч, выступал против «слияния с Польшей». Он хотел, чтобы отношения между Белоруссией, Литвой и Польшей даже на начальном этапе освободительной борьбы строились на основе равноправия и суверенности.

К. Калиновский болезненно реагировал на малейшие попытки ущемить права Литовского провинциального комитета руководством восстания в Варшаве. Он, в частности, выступил против попытки Центрального комитета заменить название Литовского провинциального комитета на исполнительный отдел, требовал, чтобы денежные средства Литовский комитет расходовал на нужды восстания самостоятельно. Решение вопроса о будущем государственно-территориальном устройстве Белоруссии и Литвы К. Калиновский оставлял за народами этих земель. Отстаивая право белорусского и литовского народов на самоопределение, замечательный революционер-демократ вместе с тем настойчиво пропагандировал идею революционного союза угнетенных царизмом народов.

---

⁵³ Герцен А. И. Собр. соч. М., 1959. Т. 16. С. 253.

⁵⁴ Там же. С. 254.

«БРАТЬЯ! КОРОЛЕВСТВО ВОССТАЛО...»

Не ты виной, когда в бою
Кровь неповинная прольется:
Без жертв, без крови, без борьбы
Народам счастье не дается.

П. Л. Лавров

В ночь с 22 на 23 января 1863 года в Польше ранее намеченного срока вспыхнуло восстание. Несколько дней спустя весть об этом вместе с Манифестом и декретами Временного правительства (так стал именоваться себя Центральный национальный комитет) привез в Вильно революционный комиссар Августовского воеводства Юзефович-Пиотровский⁵⁵.

Однако в аграрных декретах Центрального комитета проявилась классовая ограниченность правого крыла «красных». Стремясь объединить под знаменем борьбы крестьян и помещиков, они предлагали компромиссное решение аграрного вопроса на базе сохранения помещичьего землевладения. Такой подход не соответствовал интересам крестьянства.

Январская программа Комитета опиралась на чуждую крестьянству идею «классового мира», которая широко пропагандировалась среди белорусского и литовского крестьянства как «белыми», так и правыми «красными». Крестьян убеждали, что помещики за участие в восстании добровольно «подарят» им землю, которой они пользуются. Однако политика «классового мира» не находила поддержки у крестьянства.

Революционные демократы Белоруссии и Литвы во главе с К. Калиновским ясно видели ограниченность январской программы и несостоятельность призывов шляхты к «классовому миру», однако решили поддержать восстание в Польше, сознавая, что вне связи с польским национально-освободительным движением не может быть успешного революционного выступления на белорусских и литовских землях. С первых же шагов революционно-практической деятельности К. Калиновский выступил за тесный союз с польскими революционерами, заявив: *«Польское дело — это наше дело, это дело свободы»*.

⁵⁵ Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг. С. 174.

За необходимость союза с революционной Польшей высказался также замечательный литовский революционер-демократ, соратник Калиновского — Антанас Мацкявичюс. Поскольку Литве, отмечал он, *«недостает многих условий для самостоятельной революции, то, чтобы в будущем добиться чего-нибудь, я и хотел массой народа помогать Польше и требовать от нее помощи литовской революции и тем снискать для народа хотя временное утверждение прав гражданских и бесплатный надел земли, который в будущем мог бы улучшить народное благосостояние»*⁵⁶.

Последовательно защищая коренные социальные и национальные интересы белорусского и литовского народов, Провинциальный комитет во главе с Калиновским повел борьбу за демократизацию восстания, стремясь в ходе вооруженной борьбы при поддержке крестьянства радикально изменить программу, превратить начавшееся восстание в социальную революцию.

Объявив себя Временным провинциальным правительством Литвы и Белоруссии, Литовский провинциальный комитет обратился к населению с кратким пламенным воззванием: *«Братья! Королевство восстало. Там повсюду бьют неприятеля! Кровь, которая льется за Неманом, призывает и нас к оружию! Час борьбы с угнетателями за наши священные права, за нашу свободу настал и для нас. Выступим же вместе и дружно!»*. Вместе с тем Временное правительство разослало членам повстанческой организации, созданной на территории Белоруссии и Литвы, инструкцию, в которой говорилось: *«Чтобы не позволить захватчикам направить все свои силы на Конгрессовку [Польшу], в которой восстание развивается успешно, все уезды Литвы и Белоруссии должны подняться и начать борьбу»*. Орган Провинциального комитета «Знамя свободы» также призвал *«народ Литвы и Белоруссии»* к битве за свободу Родины в союзе с *«братьями с берегов Вислы и Днепра»*⁵⁷.

На территории Белоруссии и Литвы начали создаваться первые повстанческие отряды под руководством К. Корево, Л. Нарбута, Ф. Вислоуха и других. Они состояли из мелкой шляхты, ремесленников, студентов

---

⁵⁶ Цит. по кн.: Стороженко А. Ксендз Мацкевич — предводитель шайки мятежников. Вильно, 1867. С. 20—21.

⁵⁷ Prasa tajna z lat 1861—1864. Cz. 1. S. 403.

высших учебных заведений, гимназистов старших классов. Уже на начальном этапе национально-освободительной борьбы в отряды вступали крестьяне, связавшие с революционной властью надежды на справедливые аграрные преобразования. В восстании приняли участие представители различных национальностей. Плечом к плечу с белорусами, литовцами и поляками против самодержавия сражались передовые сыны России. Было много случаев перехода на сторону повстанцев русских солдат.

В марте восстание охватило уже многие уезды Белоруссии и Литвы. В одном из официальных источников отмечалось, что отряды «с каждым днем увеличивались... росли беспрестанно численностью и сделались предприимчивее. Революционная... организация на пространстве восставшего края начала мало-помалу приобретать силу и влияние...»⁵⁸.

С первых дней вооруженной борьбы Временное правительство, в котором решающую роль играл К. Калининский, взяло курс на массовое народное восстание, на активное вовлечение в отряды крестьян. Об этом свидетельствует ряд документов. Так, один из пунктов «Инструкции для военных начальников, воеводских и уездных» требовал «поднять на самый высокий уровень» повстанческую пропаганду, «направляя ее в первую очередь на сельских жителей и крестьян». В этом же документе указывалось на необходимость проведения аграрной реформы: «Наделение крестьян землей в собственность проводить... в каждой волости, где только будет сила для поддержания распоряжений».

Еще более решительное требование наделения крестьян землей прозвучало в инструкции Временного правительства командирам повстанческих отрядов, написанной в конце февраля 1863 года: «В местностях, занятых повстанцами или во вновь занимаемых, обнародовать и немедленно приводить в исполнение декрет Временного правительства о наделении крестьян землей». Для понимания революционно-демократической направленности восстания важен восьмой пункт этой инструкции: «Наиболее явных угнетателей крестьян для примера в присутствии жителей волости по решению во-

---

⁵⁸ Цит. по кн.: Смирнов А. Ф. Восстание 1863 года в Литве и Белоруссии. С. 117.

енного суда карать смертью, не допуская самочинной расправы»⁵⁹.

Открытый призыв к публичной расправе с крепостниками явно показал крестьянству, что повстанцы защищают прежде всего их интересы, борются не только против царизма, но и против помещиков — вековых угнетателей народа. Как справедливо отметил известный историк восстания 1863 года А. Ф. Смирнов, «это был курс на разумное сочетание национально-освободительных и аграрных, социальных задач восстания»⁶⁰.

Стремление К. Калиновского последовательно отстаивать интересы крестьян шло вразрез с планами и интересами «белых», которые на начальном этапе примкнули к восстанию, рассчитывая не столько на повстанческую борьбу, сколько на дипломатическое давление и интервенцию со стороны Англии и Франции. Чтобы сорвать развитие взятого К. Калиновским курса на народное восстание, они вошли в сговор с умеренными элементами, которые к этому времени взяли верх в Центральном национальном комитете. Последние также были недовольны действиями К. Калиновского, стремившегося сохранить самостоятельность в руководстве и организации восстания в Белоруссии и Литве.

В марте 1863 г. Центральный национальный комитет, состоявший из противников аграрной революции, принял решение о роспуске Литовского провинциального комитета. Вместо него из «белых» был образован «Отдел, управляющий провинциями Литвы» во главе с крупным ковенским помещиком Якубом Гейштором. Членам Провинциального комитета было объявлено, что если они не подчинятся решению, фамилии их как изменников народному делу будут опубликованы в газетах. Таким образом, члены комитета были поставлены перед угрозой не только выдачи в руки царских властей, но и утраты доверия со стороны участников освободительного движения. Сторонники К. Калиновского вынуждены были уступить, передав в руки «белого» Отдела списки организации, собранные деньги, оружие, печати⁶¹. Однако не под

---

⁵⁹ Цит. по кн.: Восстание в Литве и Белоруссии. 1863—1864. С. 117.

⁶⁰ Там же. С. 118.

⁶¹ *Limanowski B.* Historia demokracji polskiej w eposie porobniczej. Warszawa, 1983. S. 853.

давлением страха левые «красные» уступили руководство восстанием — таких людей, как К. Калиновский, нельзя было запугать, а потому, что в тот момент партия «белых» была сильнее. Об этом свидетельствует протест, поданный К. Калиновским на имя Центрального национального комитета в Варшаве.

«Провинциальный комитет уступает и слушается главу восстания потому, во-первых,— писал К. Калиновский,— что не желает начинать пагубных для революции раздоров и несогласий, и, во-вторых, потому, что не чувствует себя достаточно сильным, чтобы вырвать руководство дел из рук своих противников. Однако же члены Комитета считают долгом своим объявить... что они считают гибелью и изменой революции передачу руководства в руки контрреволюционеров... что они протестуют против такого решения Центрального комитета, сбрасывают с себя всю ответственность перед будущим за все ошибки и за все потери и несчастья, которые принесет противное духу и тенденции восстания руководство Литовским делом»⁶².

После переворота «белые» решили предать К. Калиновского своему суду. Как вспоминал член варшавского Центрального Комитета О. Авейде, «начато было даже... по этому поводу следствие». В результате немногим более месяца спустя после начала вооруженной борьбы Литовский провинциальный комитет во главе с К. Калиновским был отстранен от руководства восстанием.

Пришедший в начале марта 1863 года на смену ему «Отдел, управляющий провинциями Литвы» (с мая — Исполнительный отдел Литвы) оказался неспособным возглавить национально-освободительную борьбу. Выражая интересы крупной шляхты, он препятствовал развитию народного восстания. Боясь аграрной революции, «белый» Отдел самоизолировался от народных масс.

Своим первым декретом от 27 февраля (11 марта) 1863 года Отдел отменял все полномочия и мандаты, выданные Литовским провинциальным комитетом, отказываясь таким образом от сотрудничества с левыми «красными». «„Белые“, получив в свои руки власть,— писал О. Авейде,— совершенно удалили от участия в управлении делами живой, молодой, собственно революцион-

---

⁶² Цит. по кн.: Смирнов А. Ф. Восстание 1863 г. в Литве и Белоруссии. С. 329.

ный элемент. Важные должности комиссаров, начальников воеводств и уездов доставались почти исключительно весьма добрым и весьма спокойным, просто говоря, гнилым шляхтичам — помещикам»⁶³. Стремясь направить восстание по безопасному для шляхты пути, Отдел отказался от принципов, выдвинутых Калиновским.

На пассивности Отдела сказалась также утрата «белыми» надежды на какую-либо помощь со стороны Англии и Франции.

Наконец, окончательно парализовали деятельность «белого» Отдела жестокие репрессии М. Н. Муравьева, генерал-губернатора Северо-Западного края*, прибывшего с чрезвычайными полномочиями в середине мая 1863 года в Вильно вместо В. Н. Назимова.

Зловещую репутацию в памяти многих поколений оставил после себя Муравьев. Поражает в нем не только нечеловеческая жестокость, но и полярный, не укладывающийся в сознании поворот в его духовном развитии. В молодости — декабрист, принимавший участие в составлении устава «Союза благоденствия», на склоне лет — упорнейший противник освобождения крестьян, презираемый даже консерваторами лидер партии крепостников, душитель свободы белорусского, польского и литовского народов.

Между двумя полюсами — сорок лет жизни, и все сорок лет жестокости, жестокости, жестокости... Как будто он мстил борцам за свободу за то, что сам когда-то стоял в их рядах. «Переодетым мясником» назвал его Чернышевский в романе «Пролог», выведя Муравьева под фамилией графа И. И. Чаплина. События в романе, как известно, развиваются накануне отмены крепостного права, то есть тогда, когда Муравьев был министром государственных имуществ (1857—1862 годы) и отвергал даже либеральные попытки проведения крестьянской реформы. Вот портрет Муравьева, написанный Чернышевским.

«...В дверях опять явился слуга и провозгласил:

— Его светлость граф Илларион Илларионович Чаплин.

---

⁶³ Авейде О. Показания и записки о польском восстании 1863 года. М., 1961. С. 542.

* В Северо-Западный край входило шесть губерний: Виленская, Ковенская, Гродненская, Минская, Витебская, Могилевская.

И вот в двери ввалила низенькая, еще вовсе не пожилая человекоподобная масса.

Ввалила — потому что она не шла, а валила, высоко подымая колени и откидывая их вбок, хлопотливо работая и руками, оттопырившимися далеко от корпуса, будто под мышками было положено по арбузу, ворочаясь всем корпусом, с выпятившимся животом, ворочаясь и головою с отвислыми брылами до плеч, с полуоткрытым, слюнявым ртом, поочередно суживавшимся и расширявшимся при каждом взрыве сопа и храпа, с оловянными, заплывшими салом крошечными глазками. Правда, такому тучному человеку нельзя иметь плавную, легкую походку; но другие, изредка встречающиеся, такие ж толстяки, умеют ходить, хоть и неуклюжим образом, все-таки по-человечески,— умеют потому, что помнят о своем безобразии, стараются, чтоб оно не производило слишком отвратительного впечатления. Чаплин был совершенно без церемоний. Видя его милые движения, слыша его храп и соп, можно было удивляться только тому, что на нем военный сюртук, а не нанковый халат: как это нарядился военным разжиревший мясник?»

В 1862 году Муравьев, обвиненный Иосафатом Огрызко, который служил в министерстве финансов, в казнокрадстве, с позором вышел в отставку. К политической жизни его вызвали непредвиденные события 1863 года в Белоруссии и Литве. В трудную для Александра II минуту понадобилась личность энергичная и твердая. Выбор царя пал на Муравьева, которому в то время было уже 66 лет. Он хорошо знал Белоруссию, так как с 1827 по 1835 год прослужил в белорусских губерниях в общей сложности около восьми лет, сначала вице-губернатором в Витебске, потом губернатором в Могилеве и Гродно. Не лишенный административных способностей, Муравьев подал за это время Николаю I ряд реакционных проектов. В частности, он высказал мысль о закрытии за распространение прогрессивных идей Виленского университета, о необходимости отмены в Белоруссии Литовского статута и подчинения края действию общих гражданских законов, о слиянии в Белоруссии униатской церкви с православной. Все проекты были одобрены и проведены в жизнь. Эта активность Муравьева была известна Александру II, тем более что во время его приезда в 1858 году в Вильно эти проблемы вновь встали на пове-

стку дня в ходе переговоров с либеральным белорусским и литовским дворянством.

Известна была Александру II и жестокость, проявленная Муравьевым при подавлении восстания 1830—1831 года в Белоруссии и Литве, других выступлений против самодержавия, за что народ прозвал его «вешателем». В 1833 году, в частности, по приказу Муравьева был повешен в Гродно отважный белорусский революционер Михаил Волович, попытавшийся вновь поднять восстание на территории Белоруссии.

Развитие повстанческого движения весной 1863 года вынудило Александра II призвать на службу этот забытый политический «раритет» и назначить М. Н. Муравьева генерал-губернатором Северо-Западного края*. Так с мая против повстанцев Белоруссии и Литвы начал действовать искусный, жестокий и коварный враг.

Свой первый удар Муравьев направил против помещиков, обложив их имения десятипроцентным сбором с реальных доходов. Эта мера сразу остудила «патриотизм» той части «белых», которые временно примкнули к восстанию, поддерживая его материально. Таким путем генерал-губернатор сосредоточил в своих руках огромную сумму — более 2 миллионов 600 тысяч рублей, которые употребил на укрепление официальной власти — привлечение в край верноподданных чиновников, повышение ставок православному духовенству и т. д.

На имущество лиц, находившихся под следствием, накладывался секвестр (владельцам запрещалось пользоваться и распоряжаться имуществом). После осуждения все имущество виновного подвергалось конфискации. С приездом Муравьева начались высылки повстанцев и сочувствующих им в Сибирь. Сослано было несколько тысяч человек. При этом сотни человек высылались из края без суда и следствия, на основании лишь распоряжения генерал-губернатора.

Частыми стали публичные казни. Первая казнь состоялась в Вильно уже несколько дней спустя после приезда Муравьева. В течение первого месяца было подписано 18 смертных приговоров. По его приказу было повешено и расстреляно 128 человек.

С началом репрессивных мер «белый» Отдел по сути дела самоликвидировался. В первых числах июня

---

* В Польшу в это время был послан генерал Ф. Ф. Берг.

1863 года большинство его членов было арестовано, что походило скорее на добровольную запланированную сдачу в руки властей. Так бесславно закончил свое трехмесячное существование Отдел, управляющий провинциями Литвы.

В течение трех месяцев бездействия «белого» Отдела повстанческая борьба разворачивалась независимо от его руководства. Так, в Минской губернии храбро сражались отряды Станислава Лясковского и Антона Трусова, будущего члена Русской секции I Интернационала. Ряд удачных боевых операций на Брестчине провел повстанческий отряд Ромуальда Траугутта. Значительных успехов добились повстанцы Ковенской губернии под руководством Антанаса Мацкявичюса и Болеслава Дмуского.

Между тем «белый» Отдел ничего не делал для пополнения повстанческих отрядов, которые быстро таяли в неравной борьбе с царскими войсками. Пассивная тактика «белых» была на руку царскому правительству, которое успело сконцентрировать войска для наступления. Так, в мае в трехдневном бою на литовско-латвийской границе были разбиты отряды Зыгмунта Сераковского, который намеревался осуществить поход в Курляндию (Латвия), чтобы поддержать начинавшееся там движение местных крестьян. Сераковский был взят в плен и казнен.

Безуспешной оказалась также попытка Людвига Звездовского, бывшего члена Литовского провинциального комитета, пробиться со своим отрядом из Могилевской губернии в Смоленскую, чтобы поднять на борьбу с царизмом крестьян русских губерний. Отряд Звездовского был настигнут в пути и разбит царскими войсками.

Центром повстанческого движения стала Гродненская губерния, где борьбу возглавил освобожденный под давлением демократических сил из-под следствия и назначенный туда революционным комиссаром Кастусь Калиновский.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КОМИССАР

Калиновский... необычно активный и преданный народному делу организатор.

Е. Пишбышевский

Перед отъездом из Вильно с Калиновским беседовал Гейштор. Вот что он записал об этом в своих воспоминаниях: *«Накануне отъезда имел с ним нелегкий разговор: получив от меня инструкцию, он высказал мне массу упреков относительно моего понимания людей и дела. Я терпеливо выслушал его; что считал правильным в его замечаниях, одобрил, однако основные тезисы повторил без изменений. Когда он вновь попытался перечить мне, я спросил его категорически, признает ли он власть и хочет ли ей подчиняться. Он понял вопрос...*

...Я рекомендовал Калиновскому не признавать никаких различий между сословиями; не восстанавливать против себя шляхту — землевладельцев, считать их силой, необходимой восстанию, его животельной душой. Однако Калиновский до конца остался приверженцем крайних взглядов и, несмотря на всю силу своего патриотизма, не сумел подняться до беспристрастности»⁶⁴.

В марте 1863 года с мандатом революционного комиссара под фамилией Черноцкого Калиновский направился в Гродненскую губернию.

Для характеристики его деятельности на этом посту может служить составленная им «Инструкция для повстанческих уездных комиссаров Гродненского воеводства». В ней разработаны принципы, на основании которых Калиновский стремился создать администрацию нового типа, представители которой должны были быть носителями новой административной этики, новых отношений к своим обязанностям.

В центре деятельности повстанческой администрации — обеспечение крестьян земельными наделами, проведение аграрной реформы: *«Комиссар повета должен самым тщательным образом следить за тем, — читаем в инструкции, — чтобы во всех имениях, через которые проходит отряд, объявлялся декрет Национального правительства о наделении крестьян землей. При обнародовании этого декрета акт о наделении землей должен состав-*

⁶⁴ Giejsztor J. Pamiętniki z lat 1857—1865. Wilno, 1913. Т. 1. S. 235—236.

ляться в трех одинаковых экземплярах, один из которых остается у крестьян, другой передается начальнику повета, а третий должен быть отослан комиссару воеводства».

От комиссаров уездов требовалось «бдительно следить за тем, чтобы деревни и села, в которых было осуществлено наделение крестьян землей, после прохода отряда не возвращались к системе, господствовавшей при царских властях».

Комиссары должны были также активизировать вооруженную борьбу. Их обязанности в этом направлении также четко определяла инструкция. Приведем полностью ее 15-й пункт:

«Комиссар уезда обязан присутствовать при формировании отряда и обеспечивать следующее:

а) чтобы оружие было наилучшего качества, насколько позволяют местные условия;

б) чтобы каждый солдат имел не менее 50 зарядов;

в) чтобы он был хорошо одет;

г) чтобы начальник отряда провел обстоятельный инструктаж по вопросам дисциплины;

д) чтобы не было случаев пьянства и распущенности;

е) стараться, чтобы в отряде был хирург, имелись инструменты и медикаменты;

ж) обозная кладь, которой должно быть по возможности меньше, запасное снаряжение и боеприпасы, предметы сухого довольствия должны быть размещены на вьючных лошадях, отнюдь не на повозках, которые затрудняют движение»⁶⁵.

Калиновский советовал комиссарам уездов «стараться назначать на посты в организации крестьян», а также «следить за созданием, развитием и деятельностью попечительных комитетов из... женщин»⁶⁶. Таким образом, белорусский революционер-демократ стремился привлечь к участию в повстанческой администрации все социальные слои общества, использовать их энергию и инициативу в революционной борьбе.

Кастусю Калиновскому не удалось полностью воплотить эти принципы в жизнь. Но для нас инструкция важна тем, что здесь изложен его взгляд на повстанческую

⁶⁵ Цит. по кн.: Восстание в Литве и Белоруссии 1863—1864 гг. С. 349.

⁶⁶ Там же. С. 350.

администрацию как одно из звеньев политического механизма, который должен служить народу, защищать его интересы, опираясь на широкую социальную активность масс.

К инструкции по содержанию примыкает седьмой номер «Мужыцкай праўды», изданный во время пребывания К. Калиновского на посту революционного комиссара Гродненской губернии. В газете отмечалось, что вся земля *«от дедов-прадедов»* является крестьянской собственностью, которую крестьяне *«кровным трудом десять раз уже заработали и оплатили»*, *«за эту землю никто не должен обрабатывать барщину и чиншей никому никаких платить...»*. Поэтому крестьянам следует не дожидаться милости от самодержавия, а забрать принадлежащую им землю силой, с помощью вооруженного выступления, как это делают мужики в Польше: *«В Польше мужики так же, как и мы, надеялись на царя и ждали свободы от него, да как увидели, что царь только посулами душу выматывает, а новыми податями, рекрутством, чиншами последнюю рубаху снять хочет,— вот все разом с вилами и косами и пошли добиваться земли и правды...»* «Мужыцкая праўда» заканчивалась призывом: *«А пока еще есть время, нужно нашим хлопцам спешить с вилами и косами туда, где добиваются воли и правды»*.

С приездом Калиновского в Гродно значительно активизировалась деятельность повстанческих отрядов. Большую помощь ему оказал Врублевский.

Валерий Врублевский родился 27 декабря 1836 года в местечке Жолудок Лидского уезда Виленской губернии в семье лесничего. Образование получил в Виленской губернской гимназии и Лесном институте в Петербурге, после окончания которого в 1857 году получил назначение на работу в Гродненскую губернию. Прибыв на место работы, Врублевский развернул здесь активную революционную деятельность. В 1861 году совместно с Калиновским он участвовал в создании революционной организации в Гродно, а затем в издании первой белорусской нелегальной газеты «Мужыцкая праўда». Во время восстания 1863 года Врублевский проявил себя талантливым администратором и командиром.

В целях оперативного управления К. Калиновский разделил Гродненскую губернию на три части, назначив туда руководителями Э. Заблоцкого, А. Гофмейстера и

В. Врублевского. Каждому было указано *«управлять независимо [от Вильно], сноситься только с комиссаром [Калиновским] и от него только получать приказания».*

Врублевский получил управление над Сокольским, Белостокским и Бельским уездами. В кратчайший срок он сформировал боеспособные повстанческие отряды, которые на первых порах составляли вооруженные силы Гродненской губернии. Командование ими «белые» поручили Онуфрию Духинскому, в прошлом эмигранту, участнику восстания 1831 года. Врублевский был назначен начальником штаба. Однако фактически он являлся военным руководителем военных сил Гродненской губернии, так как Духинский, более 30 лет пробывший в эмиграции, слабо ориентировался в обстановке.

Так, на протяжении двух с небольшим месяцев во главе гродненских повстанцев — их гражданской и военной организаций — стояли две легендарные личности — Кастусь Калиновский и Валерий Врублевский. К сожалению, сохранилось очень мало документов, рассказывающих об их совместной борьбе. Об одной из встреч Калиновского и Врублевского в Белостоке несколько дней спустя после приезда Калиновского из Вильно рассказал в своих показаниях гродненской следственной комиссии Гофмейстер: *«В Белостоке я отыскал квартиру Черноцкого [Калиновского] и отправился с ним к Духинскому, жившему у какого-то молодого доктора (фамилия немецкая — не помню). Там я застал Врублевского над картой вместе с Духинским, очень занятых, притом множество лиц, приходящих и уходящих, которых я ни прежде, ни после не видел, сцена подобная, как на толкучем рынке, всякий торопился»*⁶⁷.

Исключительную роль сыграл Калиновский в организации на Гродненщине боеспособных отрядов. После его приезда кроме повстанцев, действовавших под руководством Духинского и Врублевского в Сокольском, Белостоцком и Бельском уездах, были созданы партизанские отряды в Гродненском, Волковысском, Слонимском, Пружанском, Кобринском и Брестском уездах, то есть во всех уездах Гродненской губернии.

Такого активного движения не наблюдалось нигде в Белоруссии. Отряды гродненских повстанцев, по словам Калиновского, состояли *«большую частью из крестьян*

⁶⁷ Восстание в Литве и Белоруссии 1863—1864 гг. С. 396.

казенных, мелкопоместной шляхты и городских жителей». В последних отряды «находили самую сильную поддержку». Численность повстанцев достигала двух тысяч⁶⁸. Необходимо было обеспечить их оружием, боеприпасами, продовольствием, поднять их боевой дух. Эта огромной важности задача лежала на плечах Калиновского. Он находился в постоянных разъездах, исколесил всю губернию вдоль и поперек, подчинив все свои силы решению этой задачи. В полном смысле слова он не сходил с брички, как сам того требовал от уездных комиссаров. Скупые строки документов тех лет зафиксировали его пребывание во всех уездах Гродненской губернии.

Материальные средства, находившиеся в распоряжении К. Калиновского, были незначительными. От гродненских помещиков, как он писал, помощи «военным отрядам почти совершенно не было». Крестьяне могли поставить только фураж, продовольствие и проводников. Поэтому повстанцы вынуждены были «собственными средствами приобретать все необходимое».

Очень плохим было оружие у повстанцев. На вооружении состояли старые охотничьи ружья, часто кремневые, новые охотничьи ружья, двустволки были редкостью, военные винтовки — штуцеры — исключением. Большая часть повстанцев воевала самодельными пиками и копьями, сделанными из кос. Порох и пули также изготавливали сами, о их качестве говорить не приходится. Прицельный огонь повстанцы могли вести на расстоянии до 50—70 шагов и были почти беззащитны перед царской армией, вооруженной более совершенным по тем временам оружием⁶⁹.

На первых порах успеху повстанцев способствовало хорошее знание местности, внезапность нападения, высокие моральные качества. В первой декаде мая гродненские повстанцы заявили о себе в полный голос. В каждом населенном пункте, через который проходили отряды, зачитывался манифест о наделении крестьян землей, объявлялось о ликвидации старых порядков. В их действиях угадывалась твердая направляющая рука Калиновского.

Маршруты повстанческих отрядов прошли и через

---

⁶⁸ Восстание в Литве и Белоруссии 1863—1864 гг. С. 77.

⁶⁹ Смирнов А. Кастусь Калиновский. Минск, 1963. С. 124.

родные места Калиновского — Яловку, Мостовляны, Якушовку, Свислочь. Как никто другой, знал Кастусь горе и беды жителей этих мест. В Яловке, в частности, повстанцы собрали народ на базарной площади у костела, дважды прочитали манифест об отмене сословных различий и наделении крестьян землей, затем с речами выступили руководители повстанцев. То же повторилось в Свислочи, куда в сопровождении повстанческого отряда прибыл сам Калиновский.

В Мостовлянах, где повстанцы не могли задерживаться, они оставили экземпляры манифеста на белорусском, литовском и польском языке. В этом случае, как и во всех других, проявилась последовательная позиция Калиновского в национальном вопросе. Он пресекал в рядах повстанцев любые попытки дискриминации на национальной или религиозной почве. Вот почему в отрядах гродненских повстанцев наряду с белорусами было много поляков, русских, литовцев.

В июне положение гродненских повстанцев ухудшилось. Они вынуждены были отойти в глубь Беловежской пуши. Во все времена пуца была народной кормилицей, защитницей, спасительницей. Еще в XV веке она сыграла свою роль в победе над Тевтонским орденом. Накануне Грюнвальдской битвы, имевшей большое значение в истории славянских народов, белорусские, литовские и польские воины добыли в лесах пуши мясо тысячи животных — туров, лосей, оленей, зубров, ланей, кабанов, медведей, косуль, которыми подкрепляли свои силы. На протяжении многих столетий пуца давала крестьянам лес, пушнину, мед. Наконец, она служила надежным, порой последним, прибежищем для тех, кто восставал против крепостного ярма или отстаивал свободу края.

Сыграла свою роль она и в событиях 1863—1864 годов. Когда вспыхнуло восстание, пуца стала местом создания повстанческих отрядов. Однако непосредственно в Беловежской пуце отрядов не было. Они действовали в Свислочской, Яловской, Сокольской, Пружанской пуцах, примыкавших непосредственно к Беловежской, а ее рассматривали лишь как «врата исцеления», за которыми можно было надежно скрыться и передохнуть⁷⁰. Ведь не зря Генрих Сенкевич сказал, что «лучшей кре-

---

⁷⁰ Długosz J. Oddziały powstańcze roku 1863 w gubernii grodzieńskiej // Przegląd narodowy. 1912. N 7. S. 67.

пости, чем пуца, во всем свете не сыщешь». В то время поверхность пуши не была нанесена на топографические карты. Повстанцы, скрывшись в пуце от преследований, делились на части и вновь выходили оттуда для сражений. Помогали им в этом опытные проводники из лесной стражи. Наиболее известным из них был Ян Гениуш.

Летом 1863 года, когда «белый» Отдел самоустранился от борьбы, Калиновский вновь стал у руководства восстанием. Оценивая его деятельность на посту революционного комиссара Гродненской губернии, О. Авейде писал, что во время пребывания «белого» Отдела у руководства восстанием в Белоруссии и Литве только в Гродненской губернии существовала повстанческая администрация, потому что ее возглавлял настоящий революционер Константин Калиновский⁷¹.

«ЧТОБ И МУЖИК БЫЛ ЧЕЛОВЕКОМ ВОЛЬНЫМ...»

О, загремит наша правда
и как молния полетит по свету!

К. С. Калиновский

В начале июня 1863 года К. Калиновский вновь прибыл в Вильно. И военная и гражданская повстанческие организации находились на грани распада. Наиболее способные и решительные командиры — З. Сераковский, Л. Нарбут и многие другие погибли в сражениях или на эшафоте, основной состав отрядов был потерян в боях.

Безысходную картину нарисовал в своих показаниях Виленской следственной комиссии заведующий военным отделом повстанческого центра в Вильно однофамилец Кастуся — Иосиф Калиновский: «Из рапортов, которые он [Дюлоран] мне представил, [я] вывел самые неблагоприятные заключения о порядке, строе, дисциплине и других условиях вооруженных сил. Данных о численности оных не было совсем или были, но очень неполные; вооружение было самое плохое, многие начальники отрядов не были известны, действовали отдельно и не представляли никакого ручательства успеха»⁷².

⁷¹ Авейде О. Показания и записки... С. 542.

⁷² Цит. по кн.: Восстание в Литве и Белоруссии 1863—1864 гг. С. 85—86.

Не лучшим было положение и в гражданской повстанческой администрации, многие представители которой были арестованы. В некоторых уездах (и даже губерниях) ее уже не существовало, так как летом 1863 года «белые» начали массовый отход от восстания, подписывая верноподданнические адреса и самовольно покидая доверенные им «белым» Отделом почты. «Восстание умирало» — так охарактеризовал обстановку летом 1863 года писатель В. Г. Короленко в своих воспоминаниях «История моего современника».

Уместно привести также на этот счет мнения М. Н. Муравьева и К. Калиновского, находившихся по разные стороны баррикад, но высказавших сходные оценки. Так, в письме к шефу жандармов В. А. Долгорукову 20 июля 1863 года М. Н. Муравьев, употребляя характерные для официальной переписки того времени понятия, по которым восстание именовалось «мятежом», повстанческие отряды — «разбойничьими шайками», писал: «Дело укрощения мятежа идет весьма успешно. Во всех губерниях все почти утихло; скитаются только кой-где небольшие разбойничьи шайки в Гродненской и Ковенской губерниях и немного в Минской; в Виленской же губернии все совершенно утихло... Прошу ваше сиятельство доложить об этом государю»⁷³.

А вот анализ положения, сделанный К. Калиновским: *«Приезд мой в Вильно [в начале июня 1863 года] наступил во время повсеместного расстройтва в Литве как в деле народной организации, так и вооруженного восстания. Данных, на основании которых мог бы судить о действительном восстании края, насколько сама необходимость от меня требовала, я не только не получал от Дюлорана, но при всем моем желании не мог добиться кое-каких сведений в этом отношении. Трудности, ставленные правительством насчет сообщений, слабая власть Виленского отдела, не могущая возбудить к себе доверия края, и ясное понимание многих, смотрящих на дело восстания не через призму увлечения, но сознающих, что, покоряясь только задушевной необходимости, несущую свою жизнь на бесполезную цель, — были причинами того, что восстание приняло характер местный и народные*

---

⁷³ Два письма графа М. Н. Муравьева к шефу жандармов князю В. А. Долгорукову о положении в Северо-Западном крае // Русская старина. 1903. Окт.-дек. С. 561.

власти воеводские, в случаях только необходимости и возможности, обращались в Вильно с сообщениями различного рода. Из таких сообщений... я... мог только прийти к тому результату, что восстания в Литве уже нет, а если есть что-либо, то только предсмертные его судороги»⁷⁴.

Муравьевский террор, публичные казни, репрессии и преследования производили удручающее впечатление на людей, вызывая тяжелые, порой трагические последствия. Об этом свидетельствует, в частности, судьба приехавшего в конце июля 1863 года из Варшавы в Вильно в качестве комиссара национального правительства, вместо позорно бежавшего Нестора Дюлорана, Леона Гловацкого — родного брата известного в будущем польского писателя Болеслава Пруса (настоящие имя и фамилия — Александр Гловацкий)⁷⁵. После кратковременного пребывания в Вильно Леон Гловацкий сошел с ума.

Вот что писал впоследствии о встрече с вернувшимся в Варшаву из Вильно братом Болеслав Прус известному историку Валерию Пшиборовскому: *«Будучи в Варшаве в начале августа 1863 года, я узнал, что мой брат остановился в саксонской гостинице. Пришел туда и застал Леона в ужасном состоянии, он не хотел выходить из номера и давал мне понять, что спасается от преследований...»*

Вспомнил также, что вернулся из Вильно, куда ездил проведать будто бы нашего дядю (никогда не слышал о нем), бывшего учителя, пенсионера, и даже указывал на его фотографию, с подписью, на столике.

Просиживал у него в гостинице по пару часов несколько дней подряд и постоянно видел посетителей. Это были члены организации, из которых чаще других приходил к нему Роман Жулинский; он подолгу оставался с ним и пытался вывести его из этого тяжелого состояния.

Через несколько дней я должен был возвращаться в отряд»⁷⁶. (Тогда еще совсем юный Александр Гловацкий также принимал участие в восстании в качестве бойца одного из повстанческих отрядов.)

---

⁷⁴ Восстание в Литве и Белоруссии 1863—1864 гг. С. 78.

⁷⁵ Tokarzówna K. Młodość Bolesława Prusa. Warszawa, 1981. S. 50.

⁷⁶ Tokarzówna K. Bracia Głowaccy w powstaniu styczniowym // Twórczość. 1957. N 6. S. 97.

Несмотря на невероятные трудности, у К. Калиновского не опустились руки. Бесстрашный революционер видел два главных средства, при помощи которых надеялся раздуть затухавший пожар восстания. Во-первых, привлечь к участию в вооруженной борьбе массы крестьян и таким образом повести восстание в Белоруссии и Литве по пути крестьянской революции. Во-вторых, всемерно укреплять связи с освободительным движением в России, в частности с русской революционной организацией «Земля и воля», только в тесном союзе с которой можно было идти к общей стратегической цели — всероссийской крестьянской революции.

Первоочередной мерой, которая должна была вдохнуть свежие силы в национально-освободительную борьбу, было воссоздание гражданской администрации. К. Калиновский привлек к руководству восстанием наиболее радикальных представителей белорусской и литовской интеллигенции из числа своих бывших университетских товарищей и единомышленников — В. Малаховского, И. Здановича, Т. Далевского и других.

На первом месте среди них по праву стоит фигура Владислава Малаховского (1827—1900), талантливого инженера, человека последовательных революционно-демократических убеждений. Он родился в Кобринском уезде Гродненской губернии. Окончив Свислочскую гимназию, поступил в Петербургский институт путей сообщения. Работая после окончания института на строительстве Петербургско-Варшавской железной дороги, активно участвовал в подготовке восстания в Белоруссии и Литве. На начальном этапе восстания в повстанческой администрации занимал важный пост начальника Вильно. В марте 1863 года, после совершенного «белыми» переворота, был смещен. Однако с приходом к руководству восстанием Калиновского Малаховский вновь стал начальником города.

После неудавшегося покушения на Виленского предводителя дворянства Домейку, когда Муравьев приказал заменить весь персонал служащих железной дороги, состоявший из местных уроженцев, русскими чиновниками, Малаховский вынужден был в августе месяце 1863 года выехать в Петербург, а оттуда, как предписывалось, на Кавказ, к новому месту службы. Но начавшееся следствие по делу Домейко круто изменило планы Малаховского. Уже в самом начале следствия Муравье-

ву стало известно о его революционной деятельности, о принадлежности к повстанческой организации. В столицу полетела секретная телеграмма, содержащая приказ немедленно арестовать только что прибывшего революционера. Однако тому удалось избежать ареста. Вовремя предупрежденный о грозящей опасности, он с австрийским паспортом на имя Леона Варнерке *, которым его снабдили русские революционеры, сел на английский корабль и скрылся за границу. Но и в короткий срок своего пребывания в Петербурге в августе 1863 года Малаховский успел выполнить там важные поручения К. Калиновского, встретиться с Иосафатом Огрызко...

Находясь за границей, вне предела досягаемости карательных законов русского самодержавия, В. Малаховский стремился, насколько позволяли возможности, помочь восставшим.

После вынужденного отъезда В. Малаховского важный в организации пост начальника города Вильно занял Игнатий Зданович (1841—1863), ведавший до этого финансовыми делами повстанческой организации. «Это была личность исключительно способная», — писал о нем известный историк С. Костялковский в работе, посвященной жизненному пути отца Игнатия — Александра Здановича, уроженца Минской губернии⁷⁷. Редкая одаренность Игнатия была замечена еще в Виленской гимназии, которую он окончил с золотой медалью. В годы обучения в Петербургском университете, на математический факультет которого Игнатий поступил в 1858 году, он познакомился с братьями Калиновскими и под их влиянием стал сторонником революционно-демократических идей. В 1862—1863 учебном году после окончания университета Зданович был направлен на стажировку в Германию. Однако как только до него дошла весть о начале восстания, он покинул Берлин и уже в начале февраля 1863 года был в Вильно.

Еще одной замечательной личностью из близкого окружения Кастуся Калиновского был Титус Далевский (1841—1863), студент юридического факультета Москов-

---

* По этому паспорту В. Малаховский прожил за границей до конца своих дней и приезжал в Россию много лет спустя после поражения восстания.

⁷⁷ Kościalkowski S. Aleksandr Zdanowicz: Zarys biograficzny // Rocznik Towarzystwa przyjaciół nauk w Wilnie. 1915—1918. Wilno, 1918. T. 6. S. 43.

ского университета, человек не только удивительных способностей, но и необычайной силы воли, замечательных моральных качеств. В самом начале восстания, видимо по поручению Калиновского, Далевский выехал в Петербург с целью привлечь студенческую молодежь к участию в движении, где пробыл до весны 1863 года. С возвращением Калиновского в Вильно стал одним из его ближайших помощников, выполнял самые различные поручения, связанные с большим риском.

Из числа близких, проверенных людей К. Калиновский воссоздавал и укреплял повстанческую администрацию на местах, расстроенную репрессиями царских властей, а также отходом многих представителей дворянства от восстания. Революционным комиссаром Виленской губернии был назначен инженер Мечислав Дормановский, военным руководителем — Феликс Вислоух, революционным комиссаром Гродненской губернии — Эразм Заблоцкий, военным руководителем — Валерий Врублевский, революционным комиссаром Ковенской губернии — Юлий Мацкевич, военным руководителем — Лясковский-старший, революционным комиссаром Минской губернии — Иосиф Ямонт, военным руководителем — Лясковский-младший и т. д. Новые руководители были назначены и во многие уезды.

Это было не просто замещение вакантных мест, а замена их людьми, имевшими близкие с К. Калиновским политические убеждения, людьми, перед которыми ставились иные политические задачи. Так, посылая в Минск революционным комиссаром вместо помещика К. Пеликши И. Ямонта, К. Калиновский просил его разработать систему *«средств, которыми можно было бы привлечь крестьян к восстанию»*⁷⁸. И. Ямонту поручалось также узнать отношение населения к возваниям, вырабатываемым повстанческим центром в Вильно, с тем чтобы в их содержании лучше отражать желания крестьянства.

Состав нового руководства свидетельствовал о том, что во главе восстания на его заключительном этапе стали революционные демократы, воспитанные на прогрессивных идеях русских и польских революционеров-демократов — А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, З. Сераковского, Я. Домбровского, С. Ворцеля. Иначе и быть не могло, так как в сложив-

⁷⁸ Восстание в Литве и Белоруссии 1863—1864 гг. С. 448.

шихся условиях продолжать борьбу могли только те, кто безоговорочно верил в справедливость начатого дела и готов был вести ее самыми решительными средствами, опираясь на революционное движение масс, в первую очередь крестьян.

Подтверждением тому служит написанный Калиновским 11 июня 1863 года *«Приказ... к народу земли литовской и белорусской»*. Это исключительный по своему революционному накалу и теоретическому содержанию документ. Он является ценным вкладом в белорусскую и литовскую общественно-политическую мысль того времени.

Приказ, как видно из заглавия, обращен к народу, в первую очередь к крестьянским массам Белоруссии и Литвы. Не случайно в повстанческой переписке он именовался как *«Приказ мужикам»*. В нем содержался ясный ответ на основной вопрос того времени, глубоко волновавший крестьян: кому должна принадлежать земля. Приказ давал однозначный ответ: земля должна принадлежать крестьянам. Вот строки этого знаменательного документа: *«Правительство отдает вам безо всякого выкупа и чиншей ту землю, на которой сидели ваши отцы и деды...»*

*Миновала уже барщина, миновала ваша обида, и никакая сила ее не вернет... Теперь настало такое время, что каждому будет отмерено [земли] столько, сколько он сам себе отмерит. Чиншей, оброков и податей в казну... а также панам никаких больше не платить, потому что эта земля уже ваша...»*⁷⁹.

В «Приказе» объявлялось далее, что правительство дает крестьянам «настоящую свободу». Земля и воля провозглашались неотъемлемым правом населения Белоруссии и Литвы. Противиться этому праву, говорилось далее, может только царь. Он хочет сохранить угнетение и, чтобы не допустить крестьян к восстанию, которое несет конец владычеству самодержавия, внушает им, что восстание — дело рук помещиков, которые хотят *«возвратить барщину»*, то есть вернуть крепостное право. Разоблачая пропагандистские приемы самодержавия, К. Калиновский писал, что царь *«хочет замутиль воду, чтобы в мутной воде по-прежнему рыбку ловить. <...> Дело*

---

⁷⁹ Цит. по кн.: Восстание в Литве и Белоруссии 1863—1864 гг. С. 29—30.

*наше не дело панское, а справедливой вольности, какую ваши деды и отцы издавна желали...»*⁸⁰.

«Приказ» призывал крестьянские массы отстаивать свои права на землю и волю с оружием в руках. В этой борьбе никто не может оставаться в стороне, даже помещики, которые должны подчиниться воле и интересам большинства населения.

Таким же решительным революционным духом дышит другой, примыкающий к «Приказу» документ — письмо Вислоуху, в котором провозглашалась беспощадная борьба с дворянским саботажем. *«Дворянство боится муравьевских виселиц и его секвестров,— говорилось в нем,— так сделаем так, чтобы ему пришлось выбирать между нашей петлей и пучком смолистой лучины и царской карой»*⁸¹.

Революционный террор, провозглашавшийся прежде всего по отношению к дворянству, не исключался и по отношению к некоторым не осознающим своего долга перед обществом крестьянам. Чтобы избежать стихийных расправ, Калиновский создал революционную жандармерию и революционные суды, которые выносили приговоры предателям.

Одновременно с воссозданием и преобразованием административной и военной организации восстания большое значение придавалось улучшению вооружения отрядов. Как следует из сравнительно недавно опубликованных в ПНР документов, в частности письма начальника повстанческой агентуры в Восточной Пруссии Ю. Лукашевского и К. Калиновского, написанного в середине января 1864 года, повстанческая организация Белоруссии и Литвы получила к тому времени новое оружие, закупленное в Западной Европе, на значительную сумму — 12 тысяч талеров⁸².

Руководство восстанием решило изменить и тактику вооруженной борьбы. Осознавая, что партизанские отряды не могут противостоять регулярной армии в открытом бою, ибо значительно уступали в вооружении и военной выучке, рекомендовалось действовать небольшими группами. Избегая открытых столкновений с ре-

⁸⁰ Цит. по кн.: Восстание в Литве и Белоруссии 1863—1864 гг. С. 29—30.

⁸¹ Там же.

⁸² *Łukaszewski J. Pamiętnik z lat 1862—1864. Warszawa, 1973. S. 283.*

гулярными войсками, они должны были, как выражался В. Ратч, «чинить единовременно всевозможные беспорядки, разрушить все нити правительственной власти и при помощи лесов беспрепятственными и быстрыми продвижениями ускользать от преследования войск, утомлять их и весь край охватить разлившимся пожаром мятежа»⁸³.

Посредством такой тактики К. Калиновский, по словам того же Ратча, предполагал «все население Северо-Западного края вовлечь в мятеж». Но это была только часть большой стратегической задачи.

Другая состояла в том, чтобы из Белоруссии и Литвы (Северо-Западного края) распространить вооруженную борьбу на соседние с ними губернии России и таким образом превратить восстание во всероссийскую крестьянскую революцию. Эту задачу Калиновский намеревался выполнить в союзе с русской революционной организацией «Земля и воля». Именно с этой целью было поручено Малаховскому, в начале августа 1863 года спешно выехавшему из Вильно в Петербург, наладить связи с этой организацией. Малаховский выполнил это поручение. Один из организаторов «Земли и воли» Пантелеев по этому поводу в своих воспоминаниях писал: *«Летом приезжал из Вильно Малаховский и, хотя говорил, что восстание все более и более разгорается, тем не менее умолял о какой-нибудь диверсии»*⁸⁴.

Однако обескровленная арестами землевольческая организация не в состоянии была оказать помощь повстанцам. Член Центрального национального комитета О. Авейда, приехавший в середине августа 1863 года из Варшавы в Вильно, писал по этому поводу так: *«Во время моего пребывания в Вильно Малаховский Владислав писал из Петербурга Калиновскому, что он познакомился с русскими революционерами [с Комитетом] и что они в самом деле слабы, но что он советует Виленскому комитету помогать им для пользы революции, и просил именно прислать им одну тайную типографию. Калиновский... приказал отправить по указанному Малаховским адресу в Петербург типографию, вновь выписанную из-за границы»*⁸⁵. Таким образом, как настоящий ре-

⁸³ Ратч В. Ф. Сведения о польском мятеже... Т. 1. С. 194.

⁸⁴ Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. С. 311.

⁸⁵ Цит. по кн.: Русско-польские революционные связи. М., 1963. Т. 1. С. 566.

волюционер-интернационалист, последователь великих русских революционеров-демократов К. Калиновский осознавал, что только тесный союз с освободительным движением России может облегчить решение главной стратегической задачи — добиться победы крестьянской революции, воплотить в жизнь социальную и национальную программу восстания.

Благодаря энергичным действиям К. Калиновского восстание несколько оживилось. Повстанцы провели ряд успешных боевых операций, однако противостоять царским войскам, посланным на подавление восстания, они не смогли. В неравных боях (против повстанцев действовала 120-тысячная армия) отряды терпели поражения.

Итак, несмотря на героизм, мужество, стойкость и самоотверженность, отважным революционерам во главе с К. Калиновским не удалось поднять политически незрелые крестьянские массы на организованную вооруженную борьбу против самодержавия, отстаять провозглашение права и свободы в борьбе с многотысячной царской армией.

На заключительном этапе восстания карательные меры стали особенно жестокими. Войска получили приказ преследовать отряды повстанцев «до полного истребления». Репрессии обрушились не только против подозреваемых в пособничестве восставшим отдельных лиц, но и целых селений. По распоряжению генерал-губернатора были сожжены деревня Шуки в Гродненской губернии, Яворовка под Белостоком, Ивяны в Ковенской губернии.

Русское купечество, дворянство, либералы в угаре «пенькового патриотизма» одобряли политику М. Н. Муравьева, давали в его честь обеды, посылали ему поздравительные телеграммы⁸⁶. Поэты П. А. Вяземский и Ф. И. Тютчев посвятили ему стихи, а М. Н. Катков назвал его даже национальным героем.

В защиту повстанцев мужественно возвысил свой голос великий революционер-демократ А. И. Герцен. Он, как писал В. И. Ленин в классической работе «Памяти Герцена», продолжал «бичевать усмирителей, палачей, вешателей Александра II»⁸⁷. Он последовательно отстаивал свободу Белоруссии, Литвы и Польши. Именно в это время им написан памфлет «Портрет Муравьева», ко-

⁸⁶ Герцен А. И. Собр. соч. Т. 17. С. 258—259.

⁸⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 260.

торый призван был будить у всех мыслящих людей России не только чувство ненависти к этому «бесшейному бульдогу, налитому водой, этой жабе с отвислыми щеками, с полузаплывшими глазами...», но также к той «падшей части русского общества», которая рукоплескала «казням, как победам, и выбрала этого уroda своим великим мужем»⁸⁸. Твердой позицией А. И. Герцен, по словам В. И. Ленина, «...спас честь русской демократии»⁸⁹.

До последней минуты борьбы К. Калиновский оставался на своем посту, проявляя высокие организаторские и моральные качества. Однако круг борцов суживался, восстание шло к концу.

26 сентября 1863 года был арестован Игнатий Зданович, заведующий хозяйственно-финансовым отделом в белорусско-литовской революционной организации, правая рука К. Калиновского. На допросах Зданович, по определению следственной комиссии, «держался с редким упорством» и «никакие убеждения не вызвали его на откровенную беседу». Он был повешен в Вильно 21 декабря 1863 г.

Вслед за Игнатием Здановичем был арестован Титус Далевский. «Несмотря на все явные доказательства самого тесного знакомства с К. Калиновским,— как отмечали члены следственной комиссии,— Далевский о сношениях своих с ним и о месте его укрывательства ничего не высказал». Его расстреляли в Вильно 30 декабря 1863 года.

Во главе восстания остался один Калиновский. Он сам писал и рассылал революционные инструкции, приказы и воззвания, заботился об обеспечении повстанческих отрядов оружием, одеждой и продовольствием, поддерживал их боевой дух. Ускользая от преследований, часто менял явочные квартиры, адреса, документы. Тем не менее властям стала известна подлинная фамилия руководителя восстания. В их руках оказалась его фотография, которая была выставлена на углах виленских улиц⁹⁰. За поимку К. Калиновского Муравьев обещал значительную награду.

Именно в это время представители официальных властей окрестили К. Калиновского «диктатором Литвы». Понятие это, введенное в оборот царскими властями и

⁸⁸ Герцен А. И. Собр. соч. М., 1959. Т. 18. С. 34.

⁸⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 260.

⁹⁰ Kalinowski J. Wspomnienia. 1835—1877. Lublin, 1965. S. 78.

ставшее ходячим в дореволюционной дворянской историографии — как польской, так и русской, порой встречается и в современной литературе. В связи с этим уместно сказать, что употребление его без специального объяснения, оговорок может бросить тень на личность белорусского революционера-демократа. Ведь диктаторы — носители неограниченной власти. Обычно они попирают существующие законы и управляют с помощью насилия, подавления мнения большинства. Ничего подобного в деятельности К. Калиновского, сторонника крестьянской демократии, не наблюдалось. Его диктаторство можно понимать только в том смысле, в каком понимал Б. Лимановский (1835—1935), один из основателей Польской социалистической партии, видный общественный деятель и историк. В работе «История восстания польского народа» он писал: *«Его называли диктатором Литвы и он им действительно был, только диктатором моральным (выделено мной.— В. Ш.) среди немногочисленных — это правда — отрядов храбрецов, которые не утратили еще веры в успех народного дела»*⁹¹. Диктаторство К. Калиновского надо понимать в том смысле, что он вынужден был взять на себя всю полноту власти в момент, когда все его соратники были либо арестованы, либо казнены, либо эмигрировали. И только поэтому он вынужден был руководить восстанием и выполнять функции революционного правительства один, без помощи других лиц.

АРЕСТ И КАЗНЬ

Не кувай ты, шэрая зязюля,
Сумным гукам у бары;
Мо і скажаш, што я жыці буду,
Але лепш не гавары.
Бо не тое сведчыць маё сэрца...

Максим Богданович

С осени 1863 года полиция непрерывно разыскивала Кастуся Калиновского. Однако поиски не приносили желаемых результатов. Порой казалось, что эта личность не существует, хотя (так писал чиновник особой канцелярии М. Н. Муравьева А. Н. Мосолов) ее «присутствие

⁹¹ *Limanowski B. Historia powstania... S. 446.*

повсюду ощущалось». Полиция испробовала все возможности. Попытались, в частности, подослать провокатора к Иосифу Калиновскому, члену виленского повстанческого Центра, который легально жил в Вильно и работал учителем в гимназии. О его подпольной деятельности полиция подозревала, однако держала под наблюдением на воле, надеясь получить таким образом сведения о руководителе восстания. Но Иосиф Калиновский не поддался на уловку и провокатора, который явился к нему с «важными», как заявил, повстанческими бумагами, отправил восвояси⁹².

Слежка за Иосифом Калиновским также не обнаружила его связей с Кастусем (хотя встречались они почти ежедневно). Других реальных шансов у полиции не было. Помог ей случай. В январе 1864 года в Бобруйске был арестован полицией студент Киевского университета, уроженец Белоруссии Витольд Парафианович *. Причиной послужил его паспорт, найденный при аресте у Титуса Далевского. По поручению Кастуся Калиновского Парафианович следовал в Могилев на должность революционного комиссара губернии с целью возрождения местной повстанческой организации. До этого он выполнил ряд поручений Калиновского и пользовался его доверием. Из Бобруйска под охраной Парафиановича доставили в Минск, где в это время начала работу следственная комиссия по расследованию деятельности местной революционной организации. Возглавлял ее известный своими иезуитскими приемами ведения следствия жандармский полковник А. М. Лосев. Распознав в Парафиановиче личность слабую и малодушную, А. М. Лосев сумел склонить его к предательству, обещав «исходатайствовать ему помилование». Парафианович выдал ему местожительство и фамилию, под которой К. Калиновский скрывался в Вильно **. Из Минска 28 января в генерал-губернаторский дворец полетела шифрованная

---

⁹² *Kalinowski J. Wspomnienia. S. 81.*

* В литературе, особенно дореволюционной, эта фамилия встречается в ином написании — Парфианович.

** Как видно из «Воспоминаний» Иосифа Калиновского, после предательства следственная комиссия использовала В. Парафиановича в качестве провокатора, подсаживая его в Вильно в камеры к заключенным повстанцам, где он выпытывал у них секреты и передавал затем следственным органам. Ценой преступлений Парафианович купил себе возможность поселиться в Томске и поступить там на государственную службу.

телеграмма, которая была получена около 9 часов вечера: «Вильно. Главному начальнику края. На Свентоянской улице в Свентоянских мурах живет преступник Калиновский под именем Витоженца»⁹³.

Свентоянские муры — большой квартал, примыкавший к костелу Святого Яна. Здесь в зданиях, принадлежавших ранее университету, помещалась гимназия, музей древностей, центральный архив, обсерватория, а также квартиры для служащих. В одной из них второй месяц снимал комнату Калиновский. А неподалеку — через улицу — находился генерал-губернаторский дворец. Так по чистой случайности в последние дни восстания революционный комиссар и его палач жили рядом. Поскольку точный адрес Калиновского не был известен, понадобилось две роты солдат, чтобы оцепить квартал и начать повальный обыск. Когда постучали в квартиру, расположенную «в правом флигеле, внизу», дверь отворил молодой человек со свечой в руке и спокойно назвал свое имя и фамилию: «Игнатий Витоженц». В ту же минуту он был арестован. Калиновский сразу понял, кто виновник провала. *«Одному только лицу открыл я настоящее свое имя...»* — сказал он на следующий день, имея в виду Витольда Парафиановича.

В комнате К. Калиновского сделали обыск. Был обнаружен тайник, в котором хранилась печать революционного правительства, а также различные документы. Тайник находился в одном из толстых березовых поленьев, лежавших около печи. После полуночи арестованного «под сильным конвоем» доставили в здание бывшего Доминиканского монастыря, которое царские власти превратили в тюрьму.

Трагедию борца, попавшего в заточение, передал в стихах известный поэт русского революционного народничества, многолетний узник царских тюрем и ссылок Петр Якубович:

Ночь. Тихо... Ни стонов, ни слез
От муки безбрежной и боли...
В темницу я тело принес,
Но душу оставил на воле.
Опять над несчастной страной
Сгущается сумрак насилья;
Опять у свободы святой
Оборваны светлые крылья.

⁹³ ЦГИА ЛитССР, ф. 419, оп. 2, д. 190, л. 62.

Назавтра полиция пришла с повторным обыском. Но еще рано утром связная Калиновского, молодая девушка — домашняя учительница Каролина Яцино, подвергая себя большой опасности, вынесла бумаги, спрятанные в полый ножке стола⁹⁴. Часть бумаг, место хранения которых ей было неизвестно, попала в руки полиции. Их передали особой следственной комиссии, располагавшейся в здании бывшего Доминиканского монастыря. Здесь же находились и арестованные повстанцы. Возглавлял комиссию полковник П. Н. Шелгунов. В ее состав входили штабс-капитан И. И. Семенов, поручики Н. В. Гогель и М. В. Юган, обер-аудитор Ф. Ф. Щерба и другие.

При допросах политических заключенных официально допускались пытки. Исключение делалось для дворян. По отношению к ним следователи ограничивались **«нравственными пытками»** (слова Н. В. Гогеля), например восемнадцатичасовым допросом, **«всякого рода застраживаниями»**. При таких допросах жандармы, меняя друг друга, непрерывно держали свою жертву в психическом и физическом напряжении. Однако и после истязаний несчастных не оставляли в покое. Их будили для собеседования со следователем. Нередко арестованные сходили с ума, другие, доведенные до изнеможения, уже не могли контролировать свою волю и поступки и давали показания.

Все эти ужасы муравьевских застенков, может быть в самой высокой степени, довелось испытать на себе Калиновскому. Ведь в нем не без основания видели ключ к тайнам революционной организации Белоруссии и Литвы и поэтому допрашивали с особым пристрастием. Неудивительно, что к работе комиссии после ареста Калиновского Муравьев, как свидетельствовал Мосолов, проявлял **«особый интерес»**. **«Генерал-губернатор, интересовавшийся ходом дела в высшей степени,— писал Мосолов,— постоянно посылал туда чиновников своих»**. Однако надежды Муравьева не оправдались. Все усилия жандармов разбивались о непоколебимую волю бесстрашного революционера. Вот свидетельства по этому поводу: **«Несмотря на все усилия членов комиссии, им не удалось исторгнуть от Калиновского подробного показания о лично-**

---

⁹⁴ *Rodziewicz L.* Garść wspomnień z 63 r. // Biblioteka Ossolińskich, rkps. 12273/I, S. 101.

стях, составляющих революционную организацию края»⁹⁵. Уместно процитировать и признание другого лица из окружения Муравьева, штатного чиновника особых поручений И. А. Никотина: «Сознавшись, что он был главным представителем народного жонда [правительства] в целом крае, Калиновский отказался дать объяснения следственной комиссии о подпольной организации... Никакие затем увещания и обещания не могли поколебать упорства этого крамольника, которому было тогда всего 26 лет»⁹⁶.

26 февраля 1864 года Кастусь Калиновский сделал следующее заявление Виленской особой следственной комиссии: «Выработав трудом и жизнью сознание, что если гражданская откровенность составляет добродетель, то шпионство оскверняет человека, что общество, устроенное на иных началах, недостойно этого названия, что следственная комиссия как один из органов общественных не может отрицать во мне этих начал, что указания мои о лицах, которые делают чистосердечные признания или о которых следственная комиссия знает иным путем, не могут способствовать умиротворению края, я счел необходимым заявить следственной комиссии, что в ее допросах насчет личностей, ею указываемых, я поставлен иногда в положение, не соответственное ее желаниям, и должен быть сдержан в своих показаниях по вышеупомянутым причинам. Заявление это делаю в той надежде, что следственная комиссия свойственным порядком устраним безвыходное мое положение. Причины и последствия мною хорошо обдуманы, а сознание чести, собственного достоинства и того положения, какое я занимал в обществе, не позволяют мне следовать по иному пути».

Дальнейшие допросы комиссия признала бесполезными и направила свой доклад и следственное дело Калиновского Муравьеву. Последний распорядился: «Калиновского отдать военному суду и закончить этот суд в трое суток». 4 марта 1864 года суд вынес окончательное решение по делу Кастуся Калиновского: «За преступление его, составлявшее высшую степень участия в мятеже против правительства с возбуждением к тому других деятельным распространением и поддержанием восстания... каз-

⁹⁵ Мосолов А. Н. Виленские очерки. 1863—1865 гг. (Муравьевское время). Спб., 1898. С. 126.

⁹⁶ Никотин И. А. Из записок. Спб., 1905. С. 243.

нить смертью повешением». М. Н. Муравьев наложил резолюцию: **«Согласен. Исполнить приговор в Вильно»**⁹⁷.

Так Калиновский шел на казнь, не дав врагам интересовавших их показаний. Благодаря мужеству и стойкости замечательного революционера были спасены сотни, а может быть тысячи людей, ведь жандармам не удалось полностью раскрыть состав революционной организации Белоруссии и Литвы. И на этом, последнем, этапе борьбы Калиновский проявил себя настоящим патриотом и гуманистом, спасая ценой собственной жизни жизнь других людей.

Казнь Кастуся Калиновского свершилась 10 марта 1864 года на Лукишской площади в Вильно. Вот как описал очевидец этот день: **«Было ясное холодное утро. Калиновский шел на казнь смело, придя на площадь, он встал лицом к виселице и лишь по временам кидал взоры в далекую толпу. Когда ему читали конфирмацию, он стал было делать замечания; так, например, когда называли его имя: дворянин Викентий Калиновский, он воскликнул: «У нас нет дворян, все равны». Полицеймейстер покачал ему головой и просил замолчать»**⁹⁸. Но Калиновский продолжал говорить.

До недавнего времени мы не знали содержания последних слов белорусского революционера-демократа. Оказалось, что из первоначального варианта описания казни в рукописи А. Н. Мосолова цензура вычеркнула следующие слова: **«Из самых последних возгласов Калиновского видно было, что он не только был... мятежником, но чадо всесветной социальной революции»** (выделено мной.— В. Ш.)⁹⁹. Это стало известно только в недавнее время благодаря находке ленинградского исследователя Ю. И. Штакельберга в хранящемся в Институте русской литературы архиве журнала «Русская старина», на страницах которого впервые публиковались мемуары А. Н. Мосолова.

Таким образом, можно предположить, что Кастуся Калиновский был сторонником универсальных общественных преобразований, необходимых для всех народов.

⁹⁷ ЦГИА ЛитССР, ф. 1248, оп. 2, д. 280, л. 39.

⁹⁸ Мосолов А. Н. Виленские очерки. С. 126.

⁹⁹ Штакельберг Ю. И. Архив «Русской старины»: К столетию геронческой борьбы «За нашу и вашу свободу» // Сборник статей и материалов о восстании 1863 г. М., 1964. С. 333.

Восстание содействовало становлению революционных интернациональных связей между народами России. В его ходе, отмечается в предисловии к сборнику материалов и документов «Восстание в Литве и Белоруссии 1863—1864 гг.», «складывался революционный союз народов Литвы и Белоруссии с русским, польским и другими народами, ведущими борьбу с самодержавием»¹⁰¹.

В момент казни Кастусю Калиновскому едва исполнилось 26 лет. Он ушел из жизни в расцвете сил, полный планов и замыслов. Таким он и остался навсегда в народной памяти — молодым, мужественным, красивым.

Сохранилось несколько описаний внешности белорусского революционера-демократа. «Калиновский был блондин, с резкими, хотя и довольно выразительными чертами лица», — писал в своих воспоминаниях И. А. Никотин. А вот портрет, составленный А. Н. Мосоловым: «Калиновский был лет 26, крепкого сложения и с лицом жестким и выразительным; короткие русые волосы были зачесаны назад, таким я видел его в тюрьме за несколько дней до казни»¹⁰².

Как видим, описания немного не совпадают. Прав больше, видимо, Мосолов, так как его слова подтверждаются дошедшими до нас фотографиями К. Калиновского. Оба снимка широко известны. Оригинал фотографии, на которой К. Калиновский изображен в полный рост, хранится в Польской Народной Республике в музее Войска Польского. Место нахождения оригинала второй — неизвестно. Образцом для копии этого снимка служит его первая публикация в «Воспоминаниях» Я. Гейштора, вышедших в 1913 году.

Но главное для нас то, что современники Кастуся Калиновского, к каким бы политическим партиям и лагерям они ни принадлежали, дали высокую оценку нравственных качеств революционера. «Он был одним из самых благородных мужей Литвы того времени, образованный, чистый, полный добродетели, разума и энергии», — писал в своих воспоминаниях о Калиновском член Варшавского повстанческого правительства Юзеф Каэтан Яновский.

Предводитель партии «белых» в Белоруссии и Литве Гейштор, не разделявший революционно-демократических взглядов Калиновского, также не мог скрыть

---

¹⁰¹ Восстание в Литве и Белоруссии 1863—1864 гг. С. XV.

¹⁰² Мосолов А. Н. Виленские очерки. С. 126.

восхищения этой замечательной личностью: «Человек этот, необычайной выдержки и безграничного самопожертвования, являл собой прекраснейший, не имеющий аналога образец революционера; он один мог заменить сотни, так как умел целиком отдаваться борьбе, жертвовать собой и скрываться от преследований»¹⁰³.

А вот мнение о К. Калиновском официозного историка П. Д. Брянцева: «Калиновский был молодой человек, 26 лет от роду; среднего роста, крепкого сложения; имел крутой высокий лоб, чистое жесткое лицо и выразительные глаза; носил короткие русые волосы, зачесанные назад. Калиновский обладал большим умом и необыкновенной силой воли и характера... Бескорыстно предан был своему делу. Человека этого нельзя было ни испугать, ни сбить с толку»¹⁰⁴.

О замечательном характере революционера свидетельствуют «Письма из-под виселицы», написанные во время следствия между 29 января и 10 марта 1864 года и тайно переданные соратникам на волю. Это — политическое завещание Кастуся Калиновского, в котором выражена вера в конечную победу борьбы народных масс, в достижение социальной и национальной свободы, в торжество справедливости.

«ПИСЬМА ИЗ-ПОД ВИСЕЛИЦЫ»

...Я ведаю заплаканыя вёскі
(Апроч жыцця, усё было ў цане).
Тады з пятлёў на шыі Каліноўскі
Апошні ліст пісаў і да мяне.

Сергей Граховский

Письма начинаются с обращения к группе людей: «И до нашего уголка долетела ваша газета и мы ее внимательно прочитали; очень она всем понравилась, потому что правда написана. Примите за это нашу благодарность, а письмо отпечатайте, чтобы знал мир божий, как мужики белорусы смотрят на... восстание польское, чего они хотят и чего по своим силам добиваться будут»¹⁰⁵.

¹⁰³ Giejsztor J. Pamiętniki z lat 1857—1865. T. 2. S. 213.

¹⁰⁴ Брянцев П. Д. Польский мятеж 1863 г. Вильно, 1892. С. 157.

¹⁰⁵ Giller A. Historia powstania... S. 327—328.

Кто эти люди, к которым так доверительно, по-товарищески обращается из заточения Кастусь Калиновский, и какое издание он имеет в виду? Несомненно, речь идет о газете «Глос з Литвы» («Голос из Литвы»), которую виленский повстанческий центр издавал на заключительном этапе восстания. Основателем газеты был Калиновский, выделивший на эти цели из повстанческой кассы пять тысяч рублей¹⁰⁶. Таким образом, это было третье революционное периодическое издание, наряду с «Мужыцкай праўдай» и «Штандаром вольности» («Знамя свободы»), связанное с его именем.

Замысел его создания возник у Кастуся Калиновского в конце 1863 года. Иосиф Калиновский, больше других общавшийся в последние дни борьбы с комиссаром, вспоминал, что *«одним из его желаний было издавать какую-нибудь газету»*¹⁰⁷. Поскольку на территории Белоруссии и Литвы условия для издания были крайне неблагоприятны, решили печатать газету по соседству, в Пруссии, где имелась активная повстанческая агентура, и ввозить затем тираж на земли, охваченные восстанием.

К. Калиновским было определено и содержание газеты. В письме к начальнику повстанческой агентуры Восточной Пруссии в Кенигсберге Ю. Лукашевскому, написанном 12 января 1864 года, он обращал внимание последнего на следующее: *«Эта газета не должна иметь официального характера, а только информировать население о положении дел в крае и за границей, так как не думаем, что газета, издаваемая нелегально, могла бы влиять на мнение Европы»*. Из этого же письма видно, что К. Калиновский сам намеревался по мере возможности принимать участие в издании: *«При настоящем положении вещей и затрудненной связи нельзя надеяться на постоянную корреспонденцию, а только на отдельные статьи, и то нерегулярно»*¹⁰⁸.

Значительную помощь в основании газеты оказал Калиновскому Владислав Малаховский. В работах, посвященных восстанию 1863 года в Белоруссии и Литве,

¹⁰⁶ Biblioteka Narodowa, rkps. II, 6524, k. 10.

¹⁰⁷ Цит. по кн.: Восстание в Литве и Белоруссии 1863—1864 гг. С. 87.

¹⁰⁸ Łukaszewski J. Tabor praski w czasie powstania styczniowego. 1863—1864. Jassy, 1870. S. 64—65.

изложение жизненного пути В. Малаховского заканчивается, как правило, его вынужденной эмиграцией из России летом 1863 года. Но оказывается, что, находясь за границей, он не порывал связей с революционной организацией в Вильно, выполнив ряд важных ее поручений. Как видно из найденных автором этой книги писем К. Калиновского и Б. Длусского, хранящихся в отделе рукописей Народной библиотеки в Варшаве, в конце 1863 года В. Малаховский выехал в Кенигсберг, чтобы создать там запасы оружия для повстанцев, а также для воплощения в жизнь задуманного К. Калиновским издания газеты «Глос з Литвы»¹⁰⁹.

Благодаря В. Малаховскому разработанный Калиновским план был реализован в конце января 1864 года — первый номер газеты вышел 20 января, хотя выпустить его намечалось еще в декабре 1863 года. Местом издания газеты, печатавшейся в Кенигсберге, указывалось Вильно. Редактировал газету Петр Джевецкий. «Глос з Литвы» распространялся на территории Белоруссии, Литвы и Польши, а отдельные номера, как писал М. Н. Муравьев шефу жандармов В. А. Долгорукову, довольно свободно расходились даже в Петербурге. Между редакцией газеты и К. Калиновским существовала тесная связь. В частности, первый номер «Глоса з Литвы» был у белорусского революционера-демократа уже незадолго до его ареста. Об этом вспоминал в своих показаниях Виленской особой следственной комиссии И. Калиновский: *«В январе я встретил его около дома, где он жил, он просил зайти к нему, я не отказался... Он показал мне у себя один № 1-й газеты под названием «Glos z Litwy». Я пробежал его и нашел содержание, сколько помню, скудным и не соответствующим настоящему положению края»*¹¹⁰.

Почему же содержание газеты не понравилось И. Калиновскому? Потому, что она проводила идею победы восстания, призывала к *«повышению сознания народа до подлинного осознания гражданского долга»*. Газета выступала за продолжение борьбы: *«Убежденные в святости нашего дела, независимо от того, что скажут или решат дипломаты и властелины этого мира, мы будем далее*

¹⁰⁹ Biblioteka Narodowa, rkps. II, 7827, k. 7—12.

¹¹⁰ Цит. по кн.: Восстание в Литве и Белоруссии 1863—1864 гг. С. 87.

продолжать борьбу за освобождение родины»¹¹¹. Иосиф Калиновский, напомним, не разделял этих взглядов Кастуся. «При том я сильно усомнился,— вспоминал И. Калиновский,— чтобы он [первый номер газеты] мог издаваться в крае, на что он мне ответил, что это уже до меня не касается... Был я у него очень недолго и простился с ним. Вскоре его арестовали...»¹¹².

В словах Иосифа Калиновского поражает то, что Кастусь даже проверенному человеку не сказал о месте издания газеты. Я. Гейштор совершенно справедливо называл его «несравненным, образцовым конспиратором»¹¹³.

Именно для публикации в этой газете и предназначались «Письма из-под виселицы» Калиновского. Из Вильно их переслали в Кенигсберг в редакцию «Глоса з Литвы». Однако опубликованы они не были, так как к тому времени газета прекратила существование. Ее издание закончилось на пятом номере. Он вышел 1 апреля 1864 года, когда стало ясно, что восстание в Белоруссии и Литве окончательно угасло. Из Кенигсберга письма переправили во Францию, видимо, через Малаховского Агатону Гиллеру (1831—1887), участнику восстания 1863 года, жившему в эмиграции в Париже, который и поместил их в своей «Истории восстания польского народа в 1861—1864 гг.».

Оригиналы писем Калиновского хранились в польской библиотеке в Рапперсвилле (Швейцария), откуда в 1927 году были переданы Польше¹¹⁴. Большинство рукописей погибло в Варшаве в годы второй мировой войны. Сохранился оригинал только третьего письма, которое в настоящее время находится в отделе рукописей Народной библиотеки в польской столице¹¹⁵.

Содержание писем — это размышления плененного, но не побежденного, не сломленного духом борца о том, что надо делать, чтобы господству самодержавия «если не теперь, то позднее конец уже положить». К. Калиновский осознает ненадежность пути, по которому письма

¹¹¹ Цит. по кн.: Prasa tajna z lat 1861—1864. Wrocław, 1970. Cz. 3. S. 201, 209.

¹¹² Цит. по кн.: Восстание в Литве и Белоруссии 1863—1864 гг. С. 87.

¹¹³ Giejsztor J. Pamiętniki z lat 1857—1865. S. 222.

¹¹⁴ Lewak A. Zbiory biblioteki Rapperswilskiej: katalog rękopisów. Warszawa, 1938. T. 2. Cz. 1. S. 275—276.

¹¹⁵ Biblioteka Narodowa, rkps. II, 7827, k. 58—59.

последуют из заточения на волю,— не исключено, что они могут попасть в руки жандармов,— поэтому он предупреждает, что о планах борьбы с самодержавием *«говорить здесь будем мало, каждый понимает почему, враг не должен знать о них, если случайно письмо попадет к нему в руки»*¹¹⁶. Тон писем сдержан, но ясно, что их автор не помышляет складывать оружие.

К. Калиновский признавал, что борьба с самодержавием неимоверно тяжела, но она должна привести к победе: *«Нам только сильно, с искреннею верой, за наше дело бороться надо»*. Революционер высказывал мысль о вооруженном восстании как о средстве насильственного свержения эксплуататоров и завоевания социальной и национальной свободы, указывал, как важно определить время его начала. *«Итак, если время восстания выбрано удачно, борьба расширяется и воодушевляет народ, а если нет, расточает силы каждого, ослабляет дух, да и порождает неверие в наше дело»*¹¹⁷.

В вооруженной борьбе, учил К. Калиновский, локальные *«неорганизованные выступления»* могут только повредить. Необходимо тщательно готовиться к сражениям. *«Работать надо без спешки и не напоказ, а на совесть, и только таким путем можно прийти к победе. Работа эта сермяжная [тяжелая],— предупреждает К. Калиновский,— и для того, чтобы она принесла плоды, должна быть такой искренней и простой, как сердце, которое бьется под сермягой, как ум мужицкий, который не раздумывает во время страды»*. Необходимо позаботиться и о вооружении масс. *«Людей, готовых к борьбе, и сегодня у нас достаточно,— писал К. Калиновский,— но с голыми руками не пойдешь на солдатские штыки»*¹¹⁸.

Большое значение придавал К. Калиновский революционному союзу народов. Одна из причин поражения восстания в том, что оно не было поддержано государствами Западной Европы. Долго повстанцы *«ждали помощи из-за границы»*, однако западноевропейские правители *«ничего для нас не сделали»*. *«Мы не вымогаем помощи, пусть каждый поступает так, как ему кажется лучше»*, но такое положение должно измениться вместе с изменением положения в этих странах. *«Зная, как относятся*

¹¹⁶ Цит. по кн.: Giller A. Historia powstania... S. 328, 332.

¹¹⁷ Ibidem. S. 332, 322—323.

¹¹⁸ Ibidem.

к нашему делу за границей, не перестаем верить,— писал К. Калиновский,— что мысль божья, пройдя века, не даст пропасть правде и справедливости и, если не будет для нашего дела поддержки в существующих режимах, разорвет этот узел и повернет силы народов, куда они хотят»¹¹⁹.

Таким образом, К. Калиновский догадывался, что порядки, господствующие в Западной Европе, должны измениться, а вместе с ними и отношения между народами. Но надеяться, прежде всего, надо на свои силы. «Ты, однако, Народ, не дожидайся, и с чем можешь иди воевать... за свое право, за свое будущее, за землю родную»,— призывал бесстрашный революционер¹²⁰.

В «Письмах из-под виселицы» во весь рост встает гигантская фигура крестьянского революционера, готового во имя счастья народных масс пожертвовать своей жизнью:

«Братья мои, мужики родные! Из-под виселицы царской приходится мне писать вам, и, может, раз последний. Горько покинуть землю родную и Тебя, дорогой мой народ. Стонет грудь, болит сердце, но не жаль погибнуть за твою правду.

Прими, Народ, чистосердечно мое слово предсмертное, ибо оно как бы с того свету, только ради добра твоего написано.

Нет, Братя, большего счастья для человека на этом свете, чем разум и образование. Тогда только может он быть в совете, жить в почете... когда, обогатив наукой разум и развив чувства, как братьев, своих людей полюбит. Но как день с ночью не ходят вместе, так не идут рядом подлинное образование с неволей царской. И пока царизм торжествует, у нас ничего не будет, ни правды, ни богатства и никакой науки, нами только как рабочей скотиной помыкать будут, не для добра, но на погибель нашу»¹²¹.

Даже в последние минуты жизни, когда восстание было жестоко подавлено, а над головой революционера нависла смерть, он не потерял веры в торжество народного дела. Об этом писал Калиновский в единственном дошедшем до нас стихотворении:

---

¹¹⁹ Giller A. Historia powstania... S. 332.

¹²⁰ Ibidem. S. 333.

¹²¹ Biblioteka Narodowa, rkps. II, 7824, k. 58—59.

Мужицкий народ мой, последнее слово
Тебе говорю о свободе я снова,
А вспомнишь про Яську, за счастье сочту я,
Что пал за мужицкую правду святую.

Когда превратятся слова мои в дело,
Вставай за свободу согласно и смело,
И если поднимешься всей громадою,
Навеки расстанешься с черной бедою.

(Перевод Г. В. Киселева)

Есть основания предполагать, что до нас дошла только часть переданных на волю писем К. Калиновского. Об одном, неизвестном нам письме, пишет в своих «Воспоминаниях» И. Калиновский: *«Записка, полученная из тюрьмы, дело нам прояснила»*¹²². О каком-то письме упоминается в неопубликованных воспоминаниях Л. Родзевич. Она даже цитирует слова из этого письма, написанного в заточении К. Калиновским: *«Завидую свободе даже той вороны, которую из своего окна вижу ходящей по снегу»*¹²³. Эти факты наводят на мысль, что не исключены новые находки.

Для понимания революционной деятельности и мировоззрения Кастуся Калиновского большое значение имеет его социальная утопия — тот идеал справедливого общества, во имя которого жил и боролся белорусский революционер-демократ.